

LADY
FANTASY

ЭЛИТА

КИРА КАСС

Сначала их было тридцать пять.
Теперь их осталось всего шесть.
Это Элита.

АЗБУКА

Отбор

Кира Касс

Элита

«Азбука-Аттикус»

2013

Касс К.

Элита / К. Касс — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Отбор)

Сначала их было тридцать пять. Теперь их осталось всего шесть. Это Элита. И битва за сердце принца Максона разгорается с еще большей силой. Но чем ближе Америка Сингер к тому, чтобы завоевать корону, тем чаще встает перед ней вопрос: кому в действительности принадлежит ее сердце – Максону или Аспену? Ведь каждая минута, проведенная с принцем, похожа на дивную сказку. Однако при встрече с Аспеном, ставшим королевским гвардейцем, девушка вспоминает о том, как они с любимым строили планы о совместной жизни. И пока героиня пытается разобраться в своих чувствах, время неумолимо бежит вперед и работает против нее... Впервые на русском языке!

© Касс К., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кира Касс

Элита

The Elite
by Kiera Cass
Copyright © 2013 by Kiera Cass
All rights reserved

© И. Тетерина, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Зовите слуг! Проснулась королева!

Посвящается маме

Глава 1

Воздух Анджелеса был абсолютно неподвижен – ни малейшего дуновения ветерка. Некоторое время я тихо лежала, прислушиваясь к дыханию Максона. В последние дни подловить его по-настоящему в спокойном и веселом расположении духа становилось все труднее и труднее. Я смаковала каждый миг, радуясь тому, что наедине со мной он превращался в себя прежнего.

После того как круг участниц Отбора сузился до шестерых, принц стал сам не свой. Даже когда все тридцать пять претенденток только приехали во дворец, он не переживал так сильно. Наверное, думал, что у него будет больше времени на то, чтобы сделать выбор. Я чувствовала себя отчасти виноватой в сложившейся ситуации, хотя, конечно, дело было не только во мне.

Принц Максон, наследник престола Иллеа, был увлечен мной. Неделью назад он признался: если бы я сказала, что питаю к нему такие же чувства, как и он ко мне, состязание завершилось бы. Иногда я даже развлекалась, представляя, каково это – принадлежать только Максону.

Впрочем, пока что Максон пользовался свободой. Кроме меня, было еще пять девушек, с которыми он встречался и нашептывал что-то на ушко. И вот вопрос: как к этому относиться? К тому же в придачу к Максону полагалась еще и корона. Эту мысль я старательно игнорировала, поскольку не знала точно, что это будет для меня означать.

И разумеется, оставался еще Аспен.

Теоретически у меня не было перед ним никаких обязательств. Он разорвал наши отношения еще до того, как меня объявили участницей Отбора. После призыва в армию ему повезло: его отправили в дворцовую гвардию. Здесь, во дворце, мы встретились вновь, и все чувства, которые я пыталась подавить, внезапно воскресли. Аспен – моя первая любовь. Когда я смотрела на него, то словно возвращалась в наш маленький мир, где были только мы – он и я.

Максон ни о чем не догадывался. Знал лишь, что у меня был кто-то дома, и великодушно согласился дать время забыть прошлое. Одновременно принц пытался найти другую девушку, с которой бы он мог быть счастлив, если я так и не смогу его полюбить.

Принц повернул голову и легонько коснулся носом моей макушки. Я попыталась представить, каково это – просто любить Максона.

– Знаешь, когда я в последний раз смотрел на звезды? – спросил он.

Я придвинулась к нему поближе. Ночной воздух становился все более прохладным.

– Понятия не имею.

– Несколько лет назад. Мне наняли учителя по астрономии. Если приглядеться, видно, что на самом деле звезды разного цвета.

– Погоди, ты хочешь сказать, что в последний раз смотрел на звезды на занятиях? Не для души?

– Для души! – фыркнул он. – Надо будет втиснуть заботу о душе между консультациями по бюджету и заседаниями комитета по инфраструктуре. Ах да, еще и между планированием военных операций. Это, кстати, у меня получается из рук вон плохо.

– А что еще у тебя получается из рук вон плохо? – Я провела пальцами по его накрахмаленной сорочке.

Ободренный этим прикосновением, Максон принялся поглаживать меня по плечу.

– А почему ты интересуешься? – с притворным раздражением спросил он.

– Потому что я до сих пор почти ничего о тебе не знаю. И ты производишь впечатление человека без недостатков. Приятно иметь доказательство того, что ты тоже не идеален.

– Ты ведь в курсе, что я не идеален. – Он приподнялся, вглядываясь в мое лицо.

– Ну, почти идеален, – возразила я.

Мы то и дело мимолетно соприкасались коленями, локтями, пальцами.

Он покачал головой и еле заметно улыбнулся:

– Ну, тогда ладно. Я не умею планировать военные операции. Вообще ни в каком виде. И наверное, повар из меня вышел бы тоже неважный. Впрочем, я никогда в жизни не пробовал, так что...

– Совсем никогда?

– Ты, возможно, обращала внимание на ту ораву, которая до отвала кормит тебя сладостями? Так вот, мне от них время от времени тоже кое-что перепадает.

Я прыснула. В нашей семье без моего участия приготовление пищи не обходилось практически никогда.

– Давай еще, – потребовала я. – Что еще тебе плохо удастся?

– А в последнее время я понял одну вещь... – Он привлек меня к себе ближе, карие глаза заговорщицки блеснули.

– Выкладывай.

– Так уж получилось, что мне очень плохо удастся держаться от тебя подальше. Это серьезная проблема.

– А ты хорошо старался? – улыбнулась я.

Он сделал вид, как будто задумался:

– Вообще-то, нет. И не рассчитывай, что буду это делать.

Мы негромко засмеялись, не выпуская друг друга из объятий. В такие мгновения не слишком сложно было представить, что так будет всю жизнь.

Шелест листьев и шорох травы возвестили о чем-то приближении. Хотя мы ничего предосудительного не делали, я смутилась и поспешно села на покрывало. Максон последовал моему примеру. К нам приближался гвардеец.

– Ваше высочество, – поклонился он. – Прошу прощения за вторжение, но оставаться долго за пределами дворца в столь поздний час неразумно. Повстанцы могут...

– Понял, – вздохнул Максон. – Мы сейчас. – Гвардеец удалился, и Максон обернулся ко мне. – Вот тебе и еще один недостаток. Эти бунтари начинают выводить меня из себя. Я сыт их набегами по горло.

Он поднялся и протянул мне руку. В его глазах печаль мешалась с раздражением. С начала Отбора повстанцы нападали на дворец уже дважды: один раз это были сравнительно безобидные северяне, а в другой – свирепые южане. Даже с моим скудным опытом я понимала, как он устал от всего этого.

Максон тем временем взял покрывало и отряхнул его, явно не слишком довольный тем, что наше свидание оказалось таким непродолжительным.

– Эй, – окликнула его я. – Мне было хорошо. – (Он кивнул.) – Нет, правда. – Я подошла к нему, и он перебросил покрывало через одну руку, а второй обнял меня за плечи. – Надо будет как-нибудь повторить. Расскажешь, какие звезды какого цвета. По мне, так они все абсолютно одинаковые.

– Иногда так хочется, чтобы моя жизнь была попроще. Как у обычных людей. – Максон печально улыбнулся.

Я обняла его, и Максон, уронив покрывало, ответил мне тем же.

– Жаль вас расстраивать, ваше высочество, но до обычных людей вам как до луны, и охрана тут ни при чем.

Его лицо слегка просветлело, но взгляд остался серьезным.

– Был бы обычным – больше бы тебе нравился.

– Знаю, что ты мне неверишь, но на самом деле ты нравишься мне таким, какой есть. Только мне нужно больше...

– Времени. Помню. И я готов ждать. Просто хотелось бы быть уверенным, что жду не напрасно.

Я отвела взгляд. Пообещать ему это я не могла: снова и снова сравнивала в сердце Максона и Аспена, но ни тот ни другой не перевешивал. За исключением, пожалуй, тех мгновений, когда я находилась наедине с одним из них. Потому что сейчас меня так и подмывало сказать Максону, что буду рядом с ним до конца моих дней.

– Максон, – прошептала я, видя, как угнетает его мое молчание, – я не имею права тебе этого обещать. Но одно могу сказать твердо: я хочу быть здесь. Хочу выяснить, есть ли у нас... – Я запнулась, не зная, как лучше выразить свою мысль.

– Будущее? – подсказал Максон.

Я улыбнулась, радуясь тому, как легко он меня понял.

– Да. Я хочу проверить, есть ли будущее у «нас».

Он перекинул мне через плечо выбившуюся прядь волос.

– Думаю, у нас есть все шансы, – спокойно произнес он.

– Согласна. Просто... дай мне время, ладно?

Он, просияв, кивнул. Я хотела, чтобы наш вечер закончился именно так: надеждой. Ну, может, и еще кое-чем. Я прикусила губу и подняла на Максона глаза.

Ни секунды не колеблясь, он склонил голову и поцеловал меня. Его губы были теплыми и нежными, а поцелуй – полным обожания. Мне хотелось, чтобы он не кончался никогда. Я готова была часами стоять, прильнув к нему, просто ради того, чтобы узнать, надоест это мне когда-нибудь или нет, но Максон слишком скоро оторвался от моих губ.

– Идем, – сказал он и шутливо подтолкнул меня в направлении дворца, – пока гвардейцы не прискакали за нами на конях с саблями наголо.

Едва мы с Максоном распрощались у подножия лестницы, как на меня навалилась безумная усталость. Практически из последних сил я заставила себя подняться на второй этаж и завернуть в свой закуток, как вдруг всю сонливость точно рукой сняло.

– О! – произнес Аспен, для которого мое появление тоже стало неожиданностью. – Хороший же из меня часовой, ничего не скажешь. Я-то все это время наивно считал, что ты в спальне.

Я прыснула. После того как число конкурсанток сократилось до шестерых, нам было предписано обязательно оставлять на ночь в комнате одну из горничных. Мне эта идея совсем не нравилась, так что Максон на всякий случай выставил перед моей комнатой охрану. Ирония заключалась в том, что чаще всего эту функцию исполнял Аспен. Мысль, что он почти каждую ночь стоит за дверью, наполняла меня странной смесью ликования и трепета.

Впрочем, его шутливый тон быстро угас, как только он понял, что означает мое отсутствие в постели в этот час. Он смущенно кашлянул:

– Ну как, хорошо провела время?

– Аспен, – прошептала я, оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. – Не расстраивайся. Я участница Отбора. Так надо.

– А мне как прикажешь быть? Он хорошо устроился, но мне-то что делать?

– Пожалуйста, не злись. Я пытаюсь со всем этим разобраться.

– Что ты, я вовсе на тебя не злюсь. – Его голос снова стал нежным. – Просто скучаю. – Он не осмелился произнести вслух «Я люблю тебя», но я прочитала эти слова по его губам.

– Знаю. – Я положила ладонь ему на грудь, позволив себе на мгновение забыть обо всем, чем мы рискуем. – Но это не меняет ни того, где мы находимся, ни того, что я теперь одна из Элиты. Мне нужно время.

Он накрыл мою ладонь своей и кивнул:

– Я подожду. Только... попытайся найти немного времени и для меня тоже.

Не хотелось говорить о том, как сложно это сделать, так что я лишь слабо улыбнулась ему, прежде чем отнять руку.

– Мне пора.

Он проводил меня взглядом и прикрыл за мной дверь.

Время. В последние дни я только и делала, что просила дать мне время. Я надеялась, что, если его у меня будет достаточно, все как-нибудь уладится само собой.

– Нет-нет, – засмеялась королева Эмберли. – На моей свадьбе подружек невесты было всего трое, хотя мать Кларксона настаивала, что их должно быть больше. Но я хотела, чтобы подружками были только мои сестры и лучшая подруга, с которой, кстати, мы познакомились на Отборе.

Я покосилась на Марли и с радостью отметила, что она тоже бросила взгляд в мою сторону. До приезда во дворец я думала, что ставки в этом состязании слишком высоки и на дружеские отношения с кем-нибудь из других участниц надеяться не стоит. Но Марли обняла меня при первой встрече, и с тех пор мы были рядом. Мы с ней ни разу даже не поссорились, если не считать одного случая.

Несколько недель назад Марли обмолвилась, что не хочет быть с Максоном. Когда я попыталась разговорить ее, она замкнулась. Мы не ругались, но пару дней, пока она избегала меня, было очень одиноко.

– Хочу, чтобы у меня было семь подружек, – сказала Крисс. – Ну, если Максон выберет меня и у нас будет пышная свадьба.

– Ну а мне никакие подружки не нужны, – бросила Селеста презрительно. – Они только отвлекают на себя внимание. А поскольку свадьбу будут показывать по телевидению, я хочу, чтобы все смотрели лишь на меня.

Я подавила раздражение. В кои-то веки нам выпала возможность поговорить по душам с королевой Эмберли, так нет же, этой Селесте обязательно нужно продемонстрировать свой несносный характер во всей красе и все испортить!

– Мне бы хотелось, чтобы в моей свадебной церемонии были отражены традиции моей культуры, – негромко вставила Элиза. – У нас в Новой Азии девушки появляются на торжествах в красном, а жених должен преподнести подругам невесты подарки, чтобы вознаградить их за то, что позволили ему взять ее в жены.

– Не забудь пригласить меня к себе на свадьбу! – потребовала Крисс. – Я люблю подарки!

– И я тоже! – воскликнула Марли.

– Леди Америка, вы что-то все время молчите, – заметила королева Эмберли. – Какой бы вы хотели видеть свою свадьбу?

Я вспыхнула, поскольку оказалась совершенно не готова к этому вопросу.

В своих мечтах я рисовала всего одну свадьбу, и состояться она должна была в администрации провинции Каролина после кучи нудных бюрократических процедур.

– Вообще-то, мне в голову приходит только одно желание. Хочу, чтобы замуж меня выдавал отец. Ну, знаете, когда он за руку подводит тебя к человеку, за которого ты выходишь, и вкладывает твою руку в его. Это единственное, чего мне всегда хотелось по-настоящему.

– Ну, так все делают, – протянула Селеста. – Никакой оригинальности.

Наверное, я должна была бы разозлиться на нее за то, что вмешалась в разговор, но лишь пожала плечами:

– В такой день мне важно знать, что мой отец полностью одобряет мой выбор.

– Это так мило. – Глядя в окно, Натали сделала глоток чая.

Королева Эмберли весело рассмеялась:

– Очень надеюсь, что ваш отец его одобрит. Кого бы вы ни выбрали, – добавила она поспешно, спохватившись, что ее слова могут быть восприняты как намек, что моим избранником станет Максон.

Интересно, она и в самом деле так считает? Рассказал ли Максон ей о нас?

Вскоре разговор на свадебные темы сам собою прекратился, и королева удалилась в свои покои поработать. Селеста устроилась перед большим телевизором, вмонтированным в стену, а все остальные принялись играть в карты.

– Здорово было, правда? – сказала Марли, когда мы с ней уселись рядышком за столом. – Пожалуй, так много на моей памяти королева еще никогда не говорила.

– Увлелась, наверное.

Я не стала никому рассказывать о том, что узнала от сестры королевы Эмберли о ее многочисленных неудачных попытках завести еще одного ребенка. Адель обещала, что, как только нас станет меньше, ее сестра будет относиться к нам теплее, и оказалась права.

– Ладно, а теперь скажи: у тебя правда нет никаких других планов на свою свадьбу или ты просто не захотела откровенничать?

– У меня нет никаких других планов, – подтвердила я. – Мне как-то сложно представить себе пышную свадьбу. Я ведь Пятерка.

Марли покачала головой:

– Это ты раньше была Пятеркой. А теперь ты Тройка.

– Ну да, – согласилась я, вспомнив о своем новом статусе.

Я появилась на свет в семье Пятерок – не слишком хорошо оплачиваемых художников и музыкантов. И хотя я терпеть не могла кастовую систему в целом, то, чем мы зарабатывали на жизнь, мне нравилось. Непривычно было думать о себе как о Тройке, представлять в качестве своего возможного поприща учительство или писательство.

– Не переживай, – утешила Марли, верно истолковав выражение моего лица. – Пока что тревожиться тебе еще не о чем.

Я хотела было возразить, но меня отвлек крик Селесты.

– Давай уже! – Она с размаху грохнула пультом дистанционного управления о диван, прежде чем снова ткнуть им в направлении телевизора. – Сколько можно?

– Мне кажется или она на самом деле становится еще более невыносимой? – шепотом спросила я у Марли.

Селеста еще несколько раз стукнула пультом о диван, потом поднялась и переключила телевизор на другой канал вручную.

Наверное, для девушки, выросшей в семье Двоек, это была веская причина для раздражения.

– Видимо, это все стресс, – прокомментировала Марли. – Ты не замечала, что Натали в последнее время держится как-то отчужденно?

Я кивнула, и мы обе как по команде оглянулись на трех девушек, занятых карточной игрой. Крисс с улыбкой тасовала колоду, а Натали разглядывала кончики волос. Время от времени она выдергивала очередной волос, который ей не нравился. Вид у нее был рассеянный.

– Пожалуй, напряжение понемногу начинает сказываться на всех, – согласилась я. – Теперь, когда нас осталось так мало, все труднее сидеть сложа руки и наслаждаться жизнью во дворце.

Селеста что-то пробурчала, и мы покосились на нее, но быстро отвели глаза, когда она заметила, что мы на нее смотрим.

– Ты не возражаешь, если я на секундочку отлучусь? – сказала Марли, поерзав на своем месте. – Мне нужно в туалет.

– О, я как раз думала, не сходить ли мне тоже. Не против, если мы пойдем вместе?

Марли с улыбкой покачала головой:

– Иди первой. А я пока допью чай.

– Хорошо. Я быстро.

Я вышла из Женского зала и не спеша двинулась по роскошному коридору. Кажется, никогда не привыкну к этому великолепию. Я так увлеклась, что налетела на гвардейца, стоявшего за углом.

– Ой! – только и сказала я.

– Прошу прощения, мисс. Надеюсь, я вас не напугал. – Он подхватил меня под локти, чтобы я не упала.

– Нет-нет, – со смешком сказала я. – Все в порядке. В другой раз буду смотреть, куда иду. Спасибо, что не дали упасть. Офицер...

– Вудворк, – представился он с небольшим поклоном.

– Америка.

– Я знаю.

Я улыбнулась. Ну разумеется, мое имя было отлично ему известно.

– Что ж, надеюсь, следующая наша встреча состоится не при таких драматических обстоятельствах, – пошутила я.

– Хорошо бы, – усмехнулся он в ответ. – Всего вам доброго, мисс.

– И вам тоже.

Вернувшись в Женский зал, я рассказала Марли о том, как налетела на офицера Вудворка, и предупредила ее, чтобы была осторожней. Она со смехом покачала головой.

Остаток дня мы нежились на солнышке у окна и болтали о доме и остальных девушках.

Думать о будущем было грустно. Рано или поздно Отбор завершится, и хотя я была уверена, что мы с Марли останемся близки, мне будет не хватать наших ежедневных разговоров. Она стала моей первой настоящей подругой, и расставаться не хотелось.

Пока я пыталась запечатлеть в памяти это мгновение, Марли мечтательно смотрела в окно. Мне было любопытно, о чем она думает, но все вокруг дышало таким покоем, что я не стала спрашивать.

Двустворчатые двери, ведущие на балкон, были распахнуты настежь, как и двери в коридор, и в моей комнате гулял теплый ароматный ветерок. Я надеялась, что он станет вознаграждением за уйму работы, которую мне нужно было переделать. Вместо этого он отвлекал меня, заставлял думать о том, что есть масса мест, где хотелось бы оказаться. И письменного стола среди них не было.

Я вздохнула и откинулась на спинку кресла.

– Энн! – позвала я.

– Да, мисс? – отозвалась главная из трех моих горничных из закутка, где занималась шитьем.

Наверняка в тот же миг Мэри и Люси, две другие служанки, вскинули головы, ожидая распоряжений.

– Приказываю тебе разобраться, о чем идет речь в этом докладе.

Я лениво указала на развернутый отчет по военной статистике, лежавший передо мной на столе. Это испытание предстояло пройти всем претенденткам, но сосредоточиться было просто невозможно.

Служанки дружно расхохотались. Очевидно, дело не только в смехотворности моего требования, но и в том, что я вообще чего-то потребовала от них. Обычно командовать у меня получалось не слишком хорошо.

– Прошу прощения, миледи, но это было бы превышением моих полномочий, – ответила Энн.

Хотя ее ответ точно такая же шутка, как и мое распоряжение, я уловила в ее голосе нотки искреннего сожаления, что она ничем не может мне помочь.

– Прекрасно, – простонала я, усилием воли заставив себя усесться прямо. – Все приходится делать самой. Ну и зачем я вас держу, бездельницы? Завтра же найду себе новых слуганок. Вот тогда вы попляшете!

Все трое опять захихикали, а я снова попыталась вникнуть в цифры. У меня складывалось впечатление, что отчет никуда не годится, но до конца я уверена не была. Я перечитывала абзацы и разглядывала диаграммы, хмуря лоб и покусывая кончик ручки в попытке сосредоточиться.

До меня донесся негромкий смех Люси. Я вскинула глаза и проследила за направлением ее взгляда. На пороге, прислонившись к дверному косяку, стоял Максон.

– Ты меня выдала! – упрекнул он Люси.

Та снова захихикала.

Я торопливо вскочила, так что кресло отлетело назад, и бросилась в его объятия.

– Ты прямо мои мысли читаешь!

– Правда?

– Ну пожалуйста, скажи, что мы можем выйти в парк! Хотя бы ненадолго?

Он улыбнулся:

– У меня есть не больше двадцати минут. Потом надо будет вернуться.

Я потащила его по коридору под возбужденный щебет моих слуганок, оставшихся в комнате.

Парк, без сомнения, стал нашим местом. Всякий раз, когда предоставлялась возможность побыть наедине, мы приходили сюда. Никакого сравнения с тем, как я привыкла проводить время с Аспеном. С ним мы забивались в тесный домик на дереве на заднем дворе, единственное место, в котором мы могли без опаски побыть наедине.

Внезапно мне пришло в голову, что Аспен может быть где-то поблизости. Неразличимый среди множества дворцовых охранников, он сейчас наблюдает за тем, как Максон держит меня за руку.

– Что это у тебя? – спросил Максон, легонько коснувшись кончиков моих пальцев.

– Мозоли. От игры на скрипке по четыре часа в день.

– Никогда раньше их не замечал.

– Тебе неприятно?

Из шести оставшихся во дворце девушек я принадлежала к самой низшей касте. Едва ли у кого-нибудь из них были такие руки, как у меня.

Максон остановился и поднес мои пальцы к губам, целуя загрубелые кончики.

– Наоборот. Они кажутся прекрасными. – (Я залилась краской.) – Я повидал мир, конечно, главным образом из-за пуленепробиваемого стекла или с башни очередного древнего замка, но все же я его видел. И в моем распоряжении ответы на тысячи вопросов. Но эта маленькая ладошка... – Он заглянул мне в глаза. – Эта ладошка способна извлекать из скрипки звуки, подобных которым мне не доводилось слышать никогда в жизни. Порой кажется, что твоя игра мне просто пригрезилась, – так прекрасна она была. Эти мозоли – доказательство того, что это случилось наяву.

Иногда он говорил такие красивые слова, что трудно было им поверить. И хотя они грели душу, я никогда до конца не могла доверять принцу. Откуда мне было знать, что все то же самое он не говорит другим девушкам?

– Ты в самом деле знаешь ответы на тысячи вопросов? – Я решила сменить тему.

– В самом деле. Задай любой вопрос. Если я даже не смогу на него ответить, я скажу, где искать ответ.

– Какой угодно?

– Какой угодно.

Трудно было с ходу придумать вопрос, тем более такой, который поставил бы его в тупик, чего я, собственно, и добивалась. Я задумалась, вспоминая о том, что мне больше всего хотелось узнать в детстве. Почему самолеты не падают? Какими были раньше Соединенные Штаты? Каким образом работают крохотные музыкальные проигрыватели, которые есть у представителей высших каст?

И тут меня осенило.

– Что такое Хеллоуин? – спросила я.

– Хеллоуин?

Он явно никогда не слышал этого названия. И не удивительно. Я сама встретила это слово всего лишь один раз в старинном учебнике истории, который хранился у моих родителей. Местами он был сильно поврежден, многие страницы отсутствовали вовсе или были практически нечитаемы. И все же праздник, о котором мы ничего не знали, не давал мне покоя.

– Ну что, ваше королевское умнейшество? – поддела его я.

Он с притворным недовольством вздохнул и взглянул на часы:

– Идем. У нас мало времени.

Принц схватил меня за руку и потащил обратно во дворец.

Я слегка спотыкалась в своих туфельках на невысоком каблучке, но все же с грехом пополам поспевала за ним. Максон улыбался во весь рот. Я любила те редкие моменты, когда он вел себя как беспечный мальчишка; слишком уж часто он бывал чрезмерно серьезен.

– Господа, – не останавливаясь, поприветствовал он гвардейцев перед дверями.

Я преодолела почти половину коридора, когда мои туфли подложили мне свинью.

– Максон, стой, – выдохнула я. – Мне за тобой не угнаться!

– Идем, идем, тебе там понравится, – нетерпеливо потянул меня за руку он. Потом все-таки замедлил шаг, но ему явно не терпелось поскорее оказаться там, куда мы мчались.

Мы двигались в направлении северного коридора, в ту часть дворца, где снимались «Вести», но свернули на лестницу, немного не доходя до нее. Чем выше мы поднимались, тем труднее мне было сдерживать свое любопытство.

– Куда мы идем?

Он обернулся ко мне и мгновенно посерьезнел.

– Ты должна поклясться, что никогда никому не расскажешь про эту комнату. О ее существовании известно только немногочисленным членам семьи и горстке охранников.

Я была заинтригована донельзя.

– Клянусь, буду нема как рыба.

Мы поднялись на самый верх, и Максон открыл передо мной дверь. Потом снова взял за руку и потащил по коридору, пока наконец мы не очутились перед стеной, большую часть которой занимала великолепная картина. Максон оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. Потом нащупал что-то за дальним углом рамы. Раздался негромкий щелчок, и картина поехала в сторону.

Я ахнула. Максон ухмыльнулся.

За картиной обнаружилась дверца, не доходившая до пола. На ней было несколько кнопок, как на телефоне. Максон набрал какую-то комбинацию цифр. Что-то негромко запищало, принц нажал на ручку и обернулся:

– Позволь, я помогу тебе. Здесь довольно высокая ступенька.

Он протянул мне руку и сделал знак идти первой.

Я была поражена.

По стенам лишенной окон комнаты тянулись забитые древними книгами полки. На двух из них стояли фолианты со странными красными полосами на корешках. У одной стены я увидела объемистый атлас, открытый на странице с каким-то незнакомым мне государством.

В центре высился стол с горой книг. Такое впечатление, что кто-то недавно приготовил их и собирался за ними вернуться. Еще одну стену занимал утопленный широкий экран, похожий на телевизионный.

– Что это за красные полосы? – спросила я с любопытством.

– Это запрещенные книги. Насколько нам известно, это могут быть единственные уцелевшие экземпляры во всей Иллеа.

Я обернулась к нему, взглядом прося о том, что не решалась произнести вслух.

– Да, ты можешь на них взглянуть, – сказал он таким тоном, который намекал, что своей просьбой я ставлю его в неудобное положение. Однако, судя по выражению лица, он надеялся, что я его об этом попрошу.

Очень осторожно я взяла с полки книгу, страшась случайно повредить уникальное сокровище. Перевернув несколько страниц, сразу же поставила ее обратно. Слишком велико было мое благоговение.

Я обернулась и увидела, что Максон печатает что-то на штукотине, которая походила на плоскую печатную машинку, подсоединенную к телевизору.

– Что это такое? – полюбопытствовала я.

– Компьютер. Ты что, никогда не видела компьютеров? – Я покачала головой. Максон, похоже, не слишком удивился. – Они теперь мало у кого есть. В этом хранится вся информация о книгах в этой комнате. Если тут есть что-нибудь про твой Хеллоуин, компьютер подскажет нам, где искать.

Я не очень хорошо поняла его слова, но просить объяснить подробнее не стала. Через несколько секунд на экране появился список из трех пунктов.

– Превосходно! – воскликнул он. – Подожди меня тут.

Я осталась у стола, пока Максон разыскивал три книги, обещавшие раскрыть нам тайну Хеллоуина. Хотелось, чтобы это не оказалось какой-нибудь глупостью. Обидно было бы, если бы Максон потратил столько усилий ради ерунды.

В первой книге про Хеллоуин было написано, что это кельтский фестиваль, знаменующий конец лета. Тратить время не хотелось, поэтому я не стала говорить, что понятия не имею о том, кто такие кельты. Оказывается, они верили, что в Хеллоуин духи могут проникать из своего мира в наш и обратно, а потому люди надевали маски, чтобы отпугнуть зло. Впоследствии Хеллоуин превратился в светский праздник, в основном для детей. Они наряжались в разные костюмы и ходили по улицам, распевая песни и получая за это в награду конфеты.

Во второй книге было написано что-то в том же духе, только там еще упоминались тыквы и христианство.

– А вот это обещает быть интересным, – объявил Максон, листая книжку, которая была намного тоньше двух других и написана от руки.

– С чего ты взял? – поинтересовалась я и подошла поближе, чтобы посмотреть.

– Это, леди Америка, один из томов личного дневника Грегори Иллеа.

– Что?! – воскликнула я. – Можно его потрогать?

– Можно, только сперва я найду страницу, которая нам нужна. Смотри, здесь даже есть фотография!

На снимке, точно призрак из неизвестного прошлого, был запечатлен прямой как палка, в безукоризненно отутюженном костюме Грегори Иллеа с напряженным лицом. Меня поразило, сколько в его манере держаться общего с королем Кларксоном и Максоном. Рядом с ним робко улыбалась в камеру какая-то женщина. В ее лице еще угадывались следы былой красоты, но взгляд был потухший. Казалось, она устала от жизни.

Кроме этой пары, на фотографии были еще трое. Девушка-подросток, хорошенькая и жизнерадостная, улыбающаяся во весь рот, в пышном платье и с короной на голове. Как у настоящей принцессы! И два мальчика, один повыше, другой пониже, в костюмах каких-то

героев. Вид у них был такой, словно они затеяли какую-то каверзу. Под фотографией была приписка, сделанная, как это ни поразительно, рукой самого Грегори Иллеа.

Дети в этом году устроили по случаю Хеллоуина вечеринку. Наверное, для них это способ отвлечься от того, что творится вокруг, но мне это кажется легкомысленным. Мы одна из немногих семей, у которых есть деньги на то, чтобы устроить настоящий праздник, но эта детская затея кажется расточительством.

– Думаешь, поэтому мы больше не празднуем Хеллоуин? Потому что это расточительство? – спросила я.

– Вполне возможно. Судя по дате, это было как раз после того, как Американский штат Китая начал борьбу за освобождение, перед самой Четвертой мировой. Тогда большинство вообще было нищим: представь целую страну Семерок и горстку Двоек.

– Ничего себе. – Я попыталась вообразить, как выглядела тогда наша страна, раздираемая войной, борющаяся за то, чтобы вновь обрести целостность.

– И сколько в его дневнике томов? – поинтересовалась я.

Максон махнул в сторону полки, на которой стояло несколько похожих журналов.

– С десятков.

У меня все это в голове не укладывалось! Вся история нашей страны была собрана в одной этой комнатке.

– Спасибо тебе. Я даже и не мечтала, что когда-нибудь увижу такое. Мне просто не верится, что все это существует на самом деле.

Он просиял.

– Хочешь прочитать все остальное? – Максон кивнул на дневник.

– Конечно хочу! – воскликнула я, но тут же вспомнила про свои обязанности. – Но я не могу остаться здесь, мне нужно закончить с этим дурацким отчетом. А тебе пора возвращаться к работе.

– Верно. А как тебе такое предложение: можешь взять его на несколько дней.

– А разве это разрешено? – спросила я с благоговением.

– Нет, – улыбнулся он.

Я заколебалась. Меня неожиданно одолели разом тысячи страхов. А вдруг я потеряю дневник? Или испорчу? Максон наверняка думал о том же самом. Но второй такой возможности мне не представится никогда в жизни. Ради такого подарка судьбы я буду предельно осторожна.

– Хорошо. Я возьму его на ночь или на две, а потом сразу же верну.

– Только спрячь его хорошенько.

Я так и сделала. Это была не просто книга, это доверие Максона. Я сунула дневник в ящик под сиденьем табурета для пианино, под стопку нот. Там служанки никогда не прибирались. Об этом тайничке знала только я.

– Я безнадежна, – вздохнула Марли.

– Нет-нет, у тебя отлично все получается, – покривила душой я.

Вот уже вторую неделю я каждый день давала Марли уроки игры на пианино, и, по правде говоря, с каждым разом у нее выходило все хуже и хуже. Дальше гамм мы так и не продвинулись. Марли в очередной раз промахнулась мимо нужной клавиши, и я против воли поморщилась.

– Да у тебя все на лице написано! – воскликнула она. – Не выйдет из меня пианистки. Я с таким же успехом могла бы играть локтями.

– А что, надо попробовать. Вдруг локтями у тебя получится лучше.

– Все, с меня хватит, – вздохнула она. – Прости, Америка, ты столько со мной провозилась, но мне тошно слушать собственную игру. Она звучит так, как будто пианино заболело.

– Скорее уж при смерти.

Марли покатила со смеху, и я присоединилась к ней. Когда она попросила меня поучить ее играть, я не представляла, что мои уши ждет такая чудовищная – и в то же время смешная – пытка.

– Вдруг со скрипкой дело пойдет лучше? У скрипки очень красивый звук, – предложила я.

– Это вряд ли. С моими талантами я ее попросту угроблю.

Марли поднялась и подошла к столику. Бумаги, которые мы должны были читать, сдвинули в сторону, и мои милые служанки оставили для нас чай с печеньем.

– Ну и ничего страшного. Она все равно казенная. Можешь запустить ее Селесте в голову, если хочешь.

– Не искушай, – засмеялась Марли, разливая чай. – Америка, я буду так скучать по тебе. Не знаю, что я стану делать, когда мы не сможем больше видеться каждый день.

– Ну, Максон ведет себя нерешительно, так что пока у тебя нет никаких оснований тревожиться еще и об этом.

– Не уверена, – посерьезнев, покачала она головой. – Он так прямо этого не говорил, но я-то знаю, что я здесь потому, что нравлюсь народу. Только теперь, когда большинство девушек разъехались, публика быстро найдет себе новую любимицу, и тогда он отправит меня домой.

Я тщательно подбирала слова, боясь вновь ее оттолкнуть и надеясь, что она объяснит причину отчуждения, возникшего между ними.

– Тебе не обидно? Ну, что ты не останешься с Максоном?

Марли слегка пожала плечами:

– Просто он не тот, кто мне нужен. Меня не расстраивает перспектива выбыть из соревнования, но мне очень не хочется уезжать из дворца, – пояснила она. – И потом, я не хотела бы стать женой мужчины, который любит другую.

– Какую это другую... – Я резко выпрямилась.

Глаза Марли торжествующе блеснули. Улыбка, которую она попыталась скрыть, уткнувшись в чашку, явственно говорила: «Подловила!»

Она и в самом деле меня подловила.

На долю секунды при мысли о том, что Максон может быть влюблен в кого-то еще, меня пронзила такая ревность, что стало темно в глазах. И в следующее же мгновение, когда я сообразила, что это меня она имеет в виду, снизошло невыразимое облегчение.

Я попыталась выкрутиться, принявшись подшучивать над Максоном и расхваливать достоинства других девушек, но Марли одной-единственной фразой камня на камне не оставила от моих неловких попыток отвлечь ее внимание.

– Почему ты не положила этому конец? – спросила она ласково. – Ты же знаешь, что он тебя любит.

– Он никогда мне этого не говорил, – ответила я, и это была правда.

– Ну разумеется, – произнесла она таким тоном, как будто это было очевидно. – Принц так старается заполучить тебя, но каждый раз, когда он подбирается к тебе достаточно близко, ты его отталкиваешь. Зачем ты так с ним?

Могу ли я поделиться с ней? Могу ли сказать, что, хотя мои чувства к Максону глубоки – по всей видимости, глубже, чем я сама готова себе в этом признаться, – есть еще один человек, которого я не могу выбросить из сердца?

– Наверное, я просто... не уверена ни в чем до конца.

Я действительно доверяла Марли. Но для нас обеих будет безопасней, если она ни о чем не узнает.

Она кивнула. Казалось, подруга понимает, что все несколько сложнее, просто не хочет на меня давить. Этот молчаливый взаимный уговор, признание друг за другом права на тайны, очень грел душу.

– Так найди способ увериться в этом. И побыстрее. Если Максон не тот, кто мне нужен, это еще не значит, что он чем-то плох. Я бы очень не хотела, чтобы из-за своих страхов ты его потеряла.

И снова она была права. Меня терзали страхи. Страх, что чувства Максона не такие искренние, как кажутся, страх перед необходимостью вести жизнь принцессы, страх потерять Аспена.

– Чтобы не заканчивать наш разговор на такой печальной ноте, – произнесла она, отставляя чашку, – скажу, что наша вчерашняя болтовня про свадьбы навела меня на одну мысль.

– Да?

– Скажи, ты согласилась бы быть подружкой на моей свадьбе? Ну, если я когда-нибудь выйду замуж?

– Ох, Марли, ну конечно! А ты на моей?

Я схватила ее за руки, и она в ответ сжала мои пальцы.

– Но у тебя ведь есть сестры. Они не будут против?

– Они все поймут. Пожалуйста!

– Разумеется! Я ни за что на свете не согласилась бы пропустить твою свадьбу!

Ее тон намекал на то, что моя свадьба обязана стать событием века.

– Пообещай мне, что, если я даже буду выходить замуж за неизвестного Восьмерку из подворотни, ты будешь на моей свадьбе.

Она бросила на меня недоверчивый взгляд, совершенно уверенная, что ничего подобного и быть не может.

– Даже тогда. Даю слово.

Подруга не стала брать с меня такое же обещание, и я в очередной раз задалась вопросом, не принадлежит ли ее сердце какому-нибудь Четверке, оставшемуся на родине. Впрочем, я не хотела на нее давить. Очевидно, что у каждой из нас были свои секреты, но Марли – моя лучшая подруга, и ради нее я готова была на все.

Я надеялась, что вечером увижусь с Максоном. Марли поселила в моей душе сомнения в правильности собственного поведения. И мыслей. И чувств.

После ужина, когда мы все поднялись из-за стола, я перехватила взгляд Максона и потянула себя за мочку уха. Это был наш тайный знак, применявшийся, когда надо было попросить о встрече. Отказы в таком случае бывали не часто, но сегодня Максон с огорченным видом беззвучно произнес слово «дела». Я притворно надула губки и помахала ему рукой на прощание.

Возможно, это и к лучшему. Мне действительно необходимо поразмыслить о некоторых вещах, связанных с Максоном.

Когда я свернула за угол к своей комнате, перед дверями на карауле снова стоял Аспен. Он окинул меня взглядом, задержавшись на зеленом платье, которое магическим образом подчеркивало все имеющиеся достоинства фигуры. Я молча прошла мимо. Когда пальцы уже легли на дверную ручку, он осторожно коснулся моего локтя.

Прикосновение было неторопливым, но кратким, и за эти несколько секунд я ощутила ту тягу, ту тоску, которую всегда пробуждал во мне Аспен. Один взгляд в его изумрудные глаза, жадные и бездонные, – и я почувствовала, как колени подогнулись.

Я поспешно скрылась в своей комнате, не в силах дольше выносить эту муку. К счастью, у меня практически не было времени на размышления о том, какие чувства вызывает у меня Аспен: не успела за мной закрыться дверь, как вокруг уже хлопотали служанки, готовя меня

ко сну. Пока они расчесывали мне волосы, болтая при этом без умолку, я пыталась заставить себя хоть на пару минут позабыть обо всем.

Но это было невозможно. Я должна сделать выбор. Аспен или Максон. Максон или Аспен.

Но как определить? Как принять решение, которое в любом случае разобьет мне сердце? Я утешалась мыслью, что еще есть время. Пусть и не очень много.

– Итак, леди Селеста, вы хотите сказать, что численность вооруженных сил недостаточна и в следующем году набор нужно увеличить? – уточнил Гаврил Фадей, ведущий дискуссии в телепередаче «Вести столицы» и единственный человек, которому было дозволено интервьюировать монарших особ.

Наши дебаты в эфире «Вестей» – испытание. И все это понимали. Несмотря на то что формально в сроках Максон был не ограничен, публике не терпелось, чтобы круг претендентов поскорее сузился, и королю с королевой и советниками, судя по всему, тоже. Если мы не хотели быть отчисленными, то должны проявлять себя с лучшей стороны где и когда скажут. Я порадовалась, что все-таки продралась через этот кошмарный отчет про армию. Даже запомнила кое-какие цифры, так что у меня были сносные шансы произвести хорошее впечатление.

– Именно, Гаврил. Война в Новой Азии тянется уже многие годы. Я полагаю, один-два увеличенных призыва – и мы сможем положить ей конец.

Я терпеть не могла Селесту. Она подставила одну из девушек, которая по ее милости вылетела из состязания, испортила день рождения Крисс и в буквальном смысле попыталась содрать с меня приглянувшееся ей платье. Будучи Двойкой, она считала себя на голову выше всех остальных. По правде говоря, до сих пор у меня не сложилось определенного мнения относительно численности нашей армии, но теперь, когда Селеста высказалась за увеличение призыва, я просто не могла не занять строго противоположную позицию.

– Я не согласна, – произнесла я самым нежным тоном, на какой оказалась способна.

Селеста оглянулась на меня, тряхнув гривой темных волос. Теперь, когда камера не видела ее лица, она могла без помех метать глазами молнии.

– Ага, значит, вы, леди Америка, полагаете, что увеличение численности армии – это плохая идея? – спросил Гаврил.

Я почувствовала, как запылали щеки.

– Двойки могут позволить себе откупиться от призыва, так что, я уверена, леди Селеста никогда не видела, чем для многих семей оборачивается потеря единственного сына. Увеличение числа призывников будет иметь катастрофические последствия, в особенности для низших каст, которые обыкновенно имеют большие семьи и нуждаются в каждой паре рабочих рук, чтобы выжить.

Марли, сидевшая рядом со мной, дружески подтолкнула меня.

– Ну и что же ты тогда предлагаешь нам делать? – высокомерно осведомилась Селеста. – Сидеть сложа руки, а война пусть себе тянется дальше?

– Нет, разумеется, нет. Конечно, я хочу, чтобы Иллеа покончила с этой войной.

Я сделала паузу, чтобы собраться с мыслями, и бросила взгляд на Максона, ища поддержки. Король, сидевший рядом с ним, явно был раздражен.

Необходимо было исправлять положение, так что я ляпнула первое, что пришло в голову:

– А что, если сделать призыв добровольным?

– Добровольным? – переспросил Гаврил.

Селеста с Натали фыркнули, усугубив ситуацию. Но тут я задумалась. Разве это такая уж нелепая идея?

– Да. Я уверена, что необходимы определенные требования, но, возможно, от армии, состоящей из мужчин, желающих быть солдатами, будет больше толку, чем от горстки мальчишек, единственная цель которых – остаться в живых и вернуться к своей обычной жизни.

Студия задумчиво притихла. По всей видимости, в моих словах было рациональное зерно.

– Это хорошая идея, – подала голос Элиза. – В таком случае мы могли бы отправлять на фронт свежие пополнения каждые месяц-два по мере того, как будут записываться новые люди. И это укрепит боевой дух тех, кто уже какое-то время служит.

– Я согласна, – поддержала ее Марли. Ни на что большее она обыкновенно не отваживалась. В дебатах она явно чувствовала себя неуверенно.

– Что ж, я понимаю, что эта идея может показаться новаторской, но что, если брать в армию и женщин тоже? – вставила Крисс.

– И ты считаешь, что найдется много желающих? И сама готова вести других в бой? – Селеста рассмеялась, а ее голос так и сочился презрительным недоверием.

Крисс не потеряла самообладания.

– Нет, из меня хорошего солдата не выйдет. Но, – продолжила она, обращаясь к Гаврилу, – если я чему-то и научилась за время Отбора, то это тому, что некоторые девушки обладают инстинктом прирожденных убийц. И пусть нарядные платья не вводят вас в заблуждение, – закончила она с улыбкой.

Вернувшись в комнату, я задержала служанок у себя дольше обычного, чтобы они могли помочь мне вынуть из волос шпильки.

– Мне понравилась ваша идея о добровольной армии, – сказала Мэри. Ее проворные пальцы ни на минуту не останавливались.

– И мне тоже, – подала голос Люси. – Я помню, как бились мои соседи, когда их старших сыновей забрали в армию. Многие из них не вернулись. Это слишком ужасно.

Ее взгляд затуманился от воспоминаний. Мне тоже было что вспомнить.

Мириам Кэрриер овдовела совсем молодой, но они с сыном Эйденем неплохо справлялись вдвоем. Когда у нее на пороге появились армейские с похоронкой, флагом и дежурными соболезнованиями, это совершенно ее подкосило. Жить в одиночку оказалось не под силу. Ее жизнь просто утратила смысл.

Иногда я видела, как она, подобно Восьмеркам, побиралась на той самой площади, на которой я прощалась с Каролиной. Впрочем, дать мне ей было нечего.

– Знаю, – отозвалась я на невысказанные слова Люси.

– А вот Крисс, по-моему, хватила через край, – заметила Энн. – Женщинам на войне не место.

Я улыбнулась тому, с каким чопорным видом она взялась за мои волосы.

– Мой папа рассказывал, что раньше женщины...

Внезапно в дверь постучали, так неожиданно, что мы вздрогнули.

– Мне пришла в голову одна идея, – объявил Максон, войдя в комнату без приглашения.

Похоже, устраивать свидания по пятницам после «Вестей» становилось у нас доброй традицией.

– Ваше высочество, – хором приветствовали его служанки.

Мэри даже выронила из рук шпильки, так торопилась сделать книксен.

– Позволь, я помогу, – поспешил к ней Максон.

– Нет-нет, я сама, – воспротивилась она, отчаянно покраснев, и попятилась из комнаты.

Потом неуклюже сделала большие глаза Люси и Энн, чтобы они тоже вышли.

– Э-э... доброй ночи, мисс, – сказала Люси и потянула Энн за край форменного платья.

Едва они скрылись, как мы с Максоном расхохотались. Я обернулась к зеркалу и продолжила вытаскивать из волос шпильки.

– Забавная троица, – заметил Максон.

– Просто они без ума от тебя.

Максон скромно отмахнулся.

– Прости, что помешал, – сказал он моему отражению.

– Все в порядке, – отозвалась я, вытаскивая последнюю шпильку, потом запустила пальцы в волосы, и они веером рассыпались по плечам. – Я нормально выгляжу?

Максон кивнул, задержав на мне взгляд чуть дольше, чем это было необходимо.

– Да, так насчет той самой мысли... – Он спохватился и быстро заговорил.

– Выкладывай.

– Помнишь, мы с тобой читали про Хеллоуин?

– Угу. Ох, у меня так и не дошли руки до дневника. Но он спрятан в надежном месте, – заверила его я.

– Все в порядке. Его никто не хватился. Так вот, я тут подумал... В тех книжках было написано, что его праздновали в октябре, верно?

– Ну да, – ответила я небрежно.

– Сейчас как раз октябрь. Почему бы нам не устроить вечеринку в честь Хеллоуина?

Я стремительно обернулась:

– Правда? Ох, Максон, правда можно?

– Так ты не против?

– Я обеими руками за!

– Думаю, девушкам без проблем сошьют костюмы. Гвардейцы, свободные от дежурств, могут быть запасными кавалерами в танцах, ведь я один, а было бы несправедливо заставлять всех подпирать стену в ожидании своей очереди. Можно устроить на следующей неделе уроки танцев. Ты же говорила, иногда в дневное время вам бывает нечем заняться. И еще сладости! Мы закажем лучшие сладости! Ты, моя дорогая, к концу вечеринки превратишься в колобок. Нам придется тебя катить! – (Я слушала как замороженная.) – Мы объявим о празднествах на всю страну. Пусть дети наряжаются и ходят от дома к дому с песнями, как в старые добрые времена. Твоей сестре это понравится?

– Ну разумеется! Это понравится всем!

Он о чем-то задумался, прикусив губу.

– Как думаешь, она не будет возражать, если мы пригласим ее на праздник сюда, во дворец?

Я была ошарашена.

– Что?!

– Мне все равно придется рано или поздно познакомиться с родителями Элиты. Так почему бы не пригласить ваших родителей, братьев и сестер на праздник, вместо того чтобы ждать...

Договорить он не успел, потому что я повисла у него на шее. Возможность повидать Мэй и родителей так меня обрадовала, что я не смогла сдержать свой восторг. Он обвил руками мою талию и заглянул в глаза. Его собственные сияли радостью. Каким образом этому человеку, которого я когда-то считала полной моей противоположностью, удавалось каждый раз придумать то, что больше всего меня порадовало бы?

– Ты серьезно? Они на самом деле смогут приехать?

– Ну разумеется, – отозвался он. – Мне не терпится с ними познакомиться, и потом, это входит в программу. И вообще, я полагаю, всем вам не помешает повидаться с родными.

Когда у меня перестало щипать в носу, я прошептала в ответ:

– Спасибо тебе.

– Не за что... Я знаю, что ты любишь своих родных.

– Люблю.

Он фыркнул:

– И совершенно очевидно, что ты готова ради них практически на все. Ведь это благодаря им ты осталась на Отборе.

Я отпрянула от него, чтобы видеть его глаза. В них не было осуждения, лишь растерянность от моего резкого движения. Но я не могла просто пропустить его высказывание мимо ушей. Необходимо расставить все точки над «i».

– Максон, в самом начале, когда я осталась, они действительно отчасти были причиной, но сейчас я здесь не из-за них. Ты ведь это знаешь, правда? Я здесь, потому что...

– Потому что?

Я взглянула на Максона, на его полное обожания лицо, светящееся надеждой. Давай, Америка. Скажи ему.

– Потому что?.. – повторил он снова, на этот раз с озорной улыбкой, от которой сердце у меня дрогнуло еще больше.

Вспомнился недавний разговор с Марли и то чувство, которое меня тогда охватило. Трудно было воспринимать Максона как моего парня, когда он встречался с другими девушками, но то, что мы с ним не просто друзья, очевидно. Меня вновь охватила надежда, что, быть может, наши отношения могут перерасти во что-то большее. Я не позволяла себе признаться в этом, но Максон успел стать для меня кем-то особенным.

Я кокетливо улыбнулась ему и двинулась к двери.

– Америка, сейчас же вернись на место. – Он опередил меня и, заступив дорогу, обнял за талию, так что мы очутились вплотную друг к другу. – Скажи, – прошептал он.

Я сжала губы.

– Что ж, значит, придется прибегнуть к другим способам коммуникации.

И он без предупреждения поцеловал меня. От неожиданности я слегка пошатнулась в кольцо его рук и обхватила его за шею... И тут в голове что-то перевернулось.

Обыкновенно, когда мы с ним оставались наедине, я отгораживалась от мыслей об остальных. Но сегодня я вместо себя представила рядом с ним другую. Воображение рисовало ее в объятиях принца, нежность в его взгляде, обращенном на нее, их свадьбу... У меня остановилось сердце, и я против воли расплакалась.

– Милая, что случилось?

Милая? Это словечко, такое ласковое и интимное, пробило в моих заслонах брешь. Если у меня и было какое-то желание бороться со своими чувствами к Максону, в это мгновение оно исчезло. Мне хотелось быть его милой, его дорогой, принадлежать ему одному.

Пусть это значило сделать шаг навстречу будущему, которого я никогда не хотела, и распрощаться с вещами, которые всегда казались мне неизбежными, но мысль о том, чтобы сейчас расстаться с ним, казалась совершенно невыносимой.

Да, я не была лучшей кандидаткой на престол, но если у меня даже не хватит смелости признаться в собственных чувствах, я не заслуживаю вообще никакого шанса.

Вздыхнув, я пыталась унять дрожь в голосе.

– Не хочу отсюда уезжать.

– Если я правильно помню, когда мы только познакомились, ты утверждала, что этот дворец – клетка. Выходит, со временем ты вошла во вкус?

Я покачала головой:

– Иногда ты бываешь таким тугодумом.

Из горла у меня вырвался полузадушенный смешок.

Максон позволил мне отстраниться ровно настолько, чтобы я могла заглянуть в его карие глаза.

– Максон, я говорю не о дворце. Меня не волнует ни одежда, ни постель, ни даже, пове-
ришь ты в это или нет, еда.

Принц рассмеялся. Мое восхищение изысканными блюдами, которые подавали во дворце, не было секретом ни для кого.

– Я говорю о тебе, – прошептала я. – Я не хочу уезжать от тебя.

– От меня? – (Я кивнула.) – Тебе нужен я?

При виде его изумленного лица я прыснула:

– Именно это я и пытаюсь объяснить.

Он немного помолчал.

– Но... с чего вдруг... что я такого сделал?

– Не знаю, – пожала я плечами. – Просто я думаю, что из нас может выйти неплохая пара.

Его губы дрогнули в улыбке.

– Из нас может выйти отличная пара.

Максон притянул меня к себе, довольно грубо по его меркам, и снова поцеловал.

– Ты уверена? – Он отстранил меня и внимательно посмотрел в глаза. – Ты точно в этом уверена?

– Если ты уверен, то и я уверена.

На долю секунды на его лице промелькнуло странное выражение, но оно мгновенно исчезло. Возможно, вообще почудилось.

В следующий же миг он подвел меня к кровати, и мы вместе присели на краешек, держась за руки. Я положила голову ему на плечо. Казалось, он должен что-то сказать. Разве не этого он ждал? Но слова так и не прозвучали. Время от времени Максон прерывисто вздыхал, и этого мне было достаточно, чтобы понять, как он счастлив. Тревога немного улеглась.

Мы словно не знали, что делать дальше. Некоторое время спустя Максон распрямился:

– Думаю, мне пора. Если хотим собрать к празднику всех родственников, нужно все подготовить.

Я отстранилась и улыбнулась. Не верилось, что скоро я обниму маму, папу и Мэй.

– Спасибо тебе еще раз.

Мы поднялись и двинулись к двери. Я цеплялась за его руку – почему-то ужасно боялась ее выпустить. Казалось, любая перемена может разрушить этот хрупкий миг.

– Увидимся завтра, – пообещал Максон шепотом и взглянул на меня с таким обожанием, что все тревоги мгновенно показались мне глупыми. – Ты потрясающая.

Когда он скрылся за дверью, я закрыла глаза и заново пережила каждый миг нашей недолгой встречи: его взгляды и озорные улыбки, нежные поцелуи. Я проигрывала их в памяти снова и снова, пока не настало время сна, и задавалась вопросом: занят ли Максон сейчас тем же самым?

– Так хорошо, мисс. Стойте вот так, как будто указываете на эскизы, а остальные пусть попытаются не смотреть на меня.

Была суббота, и нам позволили не отбывать обязательные часы в Женском зале. За завтраком Максон объявил о вечеринке в честь Хеллоуина. К обеду горничные уже приступили к шитью костюмов. Во дворец прибыли фотографы, чтобы запечатлеть весь процесс.

В данную минуту я пыталась с непринужденным видом разглядывать сделанные Энн наброски моего костюма, в то время как служанки стояли с отрезами тканей, пригоршнями стразов и охапками перьев.

Мы перепробовали несколько вариантов, а фотограф отщелкивал кадр за кадром. Я как раз собиралась позировать с золотой тканью, когда к нам явился посетитель.

– Девушки, доброе утро, – поздоровался Максон, переступая через порог.

Я невольно распрямила плечи еще больше и почувствовала, как губы неудержимо расплываются в улыбке. Фотограф поймал этот момент и лишь потом обратился к Максону:

– Ваше высочество, это огромная честь для всех нас. Вы не против сфотографироваться вместе с этой юной леди?

– С превеликим удовольствием.

Служанки отступили. Максон взял со стола несколько рисунков и встал позади меня, держа в одной руке наброски, а другой обнимая меня за талию. Это был символический жест. «Видишь, – говорил он, – очень скоро я смогу прикасаться вот так к тебе на глазах у всего мира. Ни о чем не тревожься».

Мы сделали еще несколько снимков, и фотограф отправился к следующей по счету девушке. Только тогда я поняла, что служанки незаметно тоже куда-то испарились.

– У тебя очень талантливые горничные, – заметил Максон. – Идеи одна другой чудеснее.

Я пыталась держаться с принцем как обычно, но после вчерашнего вечера все было иначе, лучше и хуже одновременно.

– Знаю. Я не могла бы оказаться в более надежных руках.

– Ты уже выбрала, какой костюм хочешь? – Он веером бросил эскизы на стол.

– Нам всем нравится идея с птицей. Думаю, ее навяла моя подвеска.

Я прикоснулась к тоненькой серебряной цепочке. Эту цепочку с подвеской в виде певчей птицы мне подарил отец, и я предпочитала ее массивным украшениям, которыми нас снабдили во дворце.

– Мне не хочется тебя расстраивать, но, по-моему, Селеста тоже выбрала что-то такое, связанное с птицами. Судя по всему, настрой у нее весьма решительный.

– Ничего страшного, – пожала плечами я. – Если честно, меня все эти перья не очень прельщают. – Улыбка померкла. – Пойди. Ты что, был у Селесты?

Он кивнул:

– Заглянул к ней немного поболтать. Боюсь, и к тебе я тоже ненадолго. Отец не в восторге от всей этой затеи, но понимает, что, коль скоро Отбор еще идет, неплохо бы устроить какое-нибудь празднество. И он согласен – это хороший предлог организовать знакомство с вашими семьями, учитывая все обстоятельства.

– Это какие?

– Он хочет кого-нибудь исключить. И я должен буду это сделать после того, как познакомлюсь с родителями всех девушек. Чем раньше они приедут, тем, по его мнению, лучше.

У меня и в мыслях не было, что отчисление одной из нас – часть плана празднования Хеллоуина. Я считала, что это будет просто грандиозная вечеринка. Эта новость меня встревожила, хотя я и твердила себе, что для того нет никаких оснований. О чем я могла тревожиться после нашего вчерашнего разговора? Он казался таким настоящим, как ничто другое до этого.

– Думаю, мне пора идти дальше, – произнес Максон, продолжая рассеянно проглядывать эскизы.

– Ты уже уходишь?

– Не волнуйся, дорогая. Увидимся за ужином.

«Ну да, только за ужином мы с тобой будем не одни».

– Все в порядке? – спросила я.

– Конечно, – заверил он и торопливо чмокнул. В щеку. – Мне нужно бежать. Еще поговорим.

И с этими словами так же внезапно, как и появился, Максон скрылся.

В воскресенье, за восемь дней до вечеринки по случаю Хеллоуина, во дворце кипела лихорадочная деятельность.

Утро понедельника Элита провела в обществе королевы Эмберли, дегустируя и утверждая меню праздничного угощения. Это была бесспорно самая приятная задача из всех, что нам довелось выполнять за время пребывания во дворце. Однако после обеда Селеста

несколько часов отсутствовала в Женском зале. Вернувшись часа в четыре, она объявила, что «Максон передает всем привет».

Во вторник после обеда мы встречали королевскую родню, которая была приглашена на празднества. Но до этого все утро мы наблюдали из окна за тем, как в парке Максон давал Крисс урок стрельбы из лука.

За едой теперь присутствовало множество гостей, приехавших заранее, зато Максон где-то пропадал, как и Марли с Натали.

Я все больше и больше чувствовала себя дурой. Зря я призналась ему в своих чувствах. С его стороны все это была пустая болтовня, иначе зачем сломя голову бегать по свиданиям со всеми остальными?

К исходу пятницы я почти утратила надежду, когда весь вечер после эфира «Вестей» просидела в своей комнате за роялем в ожидании принца.

Он так и не появился.

В субботу решила выбросить все это из головы, поскольку в первой половине дня Элите предписывалось развлекать приезжих дам в Женском зале. А после обеда был назначен очередной урок танцев.

Я порадовалась, что моя семья избрала своим поприщем музыку и искусство, поскольку танцовщица из меня оказалась никудышная. Хуже получалось только у Натали. Селеста, разумеется, являла собой воплощение грации. Инструкторы не раз просили ее помочь другим, в результате чего Натали едва не вывихнула лодыжку из-за намеренно неумелой помощи Селесты.

Гибкая, точно змея, Селеста твердила, что Натали просто не способна к танцам. Учителя верили ей, но Натали лишь со смехом отмахивалась. Я восхищалась ее умением не принимать близко к сердцу шпильки Селесты.

Аспен присутствовал на всех уроках. Вначале я пыталась его избегать, поскольку не была до конца уверена, что хочу с ним общаться. До меня доходили слухи, что гвардейцы меняются дежурствами с головокружительной скоростью. Одни отчаянно хотели попасть на вечеринку. А вот у других остались дома подружки, которые устроили бы им головомойку, увидев по телевизору своих возлюбленных, танцующих с другими девушками. Тем более что вскоре пятеро из нас должны были освободиться.

Но, поскольку это был наш последний официальный урок, когда Аспен оказался в достаточной близости от меня, чтобы пригласить на танец, я не смогла ему отказать.

– У тебя все в порядке? – спросил он. – Ты была сама не своя, когда я тебя видел.

– Просто устала, – солгала я. Не обсуждать же с ним свои сердечные дела.

– Это правда? А я был уверен, что меня ждут плохие новости.

– В каком смысле?

Неужели ему было известно что-то, чего не знала я?

Он вздохнул:

– Если ты собираешься сообщить, что я должен отказаться от борьбы за тебя, я не хочу это слышать.

По правде говоря, в последнюю неделю я вообще не вспоминала про Аспена. Я была так поглощена своими несвоевременными признаниями и поспешными выводами, что не могла думать больше ни о чем другом. Выходит, пока я беспокоилась о том, что Максон меня бросит, Аспен волновался, как бы я не поступила точно так же по отношению к нему.

– Дело не в этом, – ответила я уклончиво, чувствуя себя виноватой.

Он кивнул, довольствуясь этим ответом.

– Ай!

– Ох, прости, пожалуйста! – воскликнула я.

Наступать ему на ногу я уж точно не хотела. Усилием воли попыталась сосредоточиться на танце.

– Мер, извини, но танцуешь ты из рук вон плохо.

Он фыркнул, несмотря на то что мой каблук должен был причинить ему боль.

– Знаю, знаю. Я стараюсь, честное слово!

Я принялась скакать по залу, точно слепой лось, пытаюсь компенсировать недостаток грации усердием. Аспен, добрая душа, изо всех сил старался мне помочь.

К концу урока мне хотя бы удалось выучить движения. Конечно, нельзя было поручиться, что я не врежу какому-нибудь заезжему дипломату, энергично взмахнув ногой, но я была исполнена решимости приложить все усилия, чтобы этого избежать. Вообразив себе эту картину, я подумала: ничего удивительного, что Максон пошел на попятный. Как прикажешь вывозить такое позорище в какую-нибудь другую страну, не говоря уж о том, чтобы принимать гостей здесь? Ну какая из меня принцесса?

Я вздохнула и отправилась выпить воды. Аспен двинулся следом. Другие девушки остались в зале.

– Что ж, – начал он. Я быстро оглянулась, чтобы убедиться, что никто за нами не наблюдает. – Можно сделать вывод, что, коль скоро ты переживаешь не из-за меня, ты переживаешь из-за него.

Я опустила глаза и покраснела. До чего же хорошо он меня знал.

– Не стану говорить, что желаю ему успеха, но если он не видит, что ты потрясающая, значит он круглый идиот.

Я улыбнулась, продолжая внимательно разглядывать пол.

– Даже если ты и не станешь принцессой, что с того? Это не сделает тебя менее поразительной. Ты ведь знаешь, что... что...

Он не смог заставить себя договорить, и я отважилась взглянуть ему в лицо.

В глазах Аспена я увидела тысячу возможных концовок, и все они связывали его со мной. Что он все так же готов меня ждать. Что он знает меня как никто другой. Что мы с ним остались прежними. Что несколько месяцев во дворце не могут перечеркнуть двух лет. Что, как бы ни повернулась жизнь, Аспен всегда рядом.

– Аспен, я знаю. Знаю.

Я стояла в шеренге вместе с остальными девушками в величественном вестибюле дворца, покачиваясь на пятках.

– Леди Америка, – прошипела Сильвия, и я немедленно поняла, что веду себя неподобающим образом.

Сильвия, на которую во время Отбора была возложена ответственность за обучение претенденток, каждый наш промах по части хороших манер воспринимала как личное оскорбление.

Я попыталась стоять спокойно. Легко Сильвии шипеть: ей-то вместе с прислугой и гвардейцами можно двигаться. Если бы я имела такую возможность, тоже чувствовала бы себя намного спокойнее.

Наверное, будь Максон где-то поблизости, было бы легче. С другой стороны, может быть, я только больше тревожилась бы. Не давал покоя вопрос: почему после всего того, что между нами произошло, он вдруг словно забыл о моем существовании?

– Идут! – послышались голоса из-за дверей.

Я была не единственной, кто издал радостный возглас.

– Так, девушки! – провозгласила Сильвия. – Не забываем о манерах! Лакеи и горничные, постройтесь у стены, пожалуйста.

Мы изо всех сил старались держаться мило и с достоинством, как учила нас наставница, но стоило родителям Крисс и Марли переступить через порог, как все пошло не по сценарию. Девушки были единственными дочерьми, и их родители слишком истосковались по ним, чтобы беспокоиться о соблюдении этикета. Они с радостными возгласами устремились к чадам. Марли, позабыв про все на свете, опрометью бросилась из шеренги им навстречу.

Родители Селесты вели себя сдержаннее, хотя явно были рады видеть дочь. Она тоже нарушила строй, но куда более церемонно, чем Марли. Родителей Натали и Элизы я даже не заметила, потому что на пороге выросла невысокая фигурка с буйной копной огненно-рыжих волос и принялась обводить глазами вестибюль.

– Мэй! – замахала я ей.

Она услышала мой голос и побежала мне навстречу. Мама с папой спешили следом. Я упала на колени и обняла сестренку.

– Америка! Я просто глазам своим не верю! – затараторила она с восхищением и завистью в голосе. – Какая же ты красавица!

Слова застревали в горле. Я даже с трудом ее различала – все подернулось пеленой слез.

Мгновение спустя я почувствовала крепкие отцовские объятия. А затем, отбросив привычную внешнюю чопорность, к нам присоединилась мама, и мы вчетвером застыли на дворцовом полу.

До меня донесся вздох. Сильвия. Она недовольна, но мне сейчас было на это просто наплевать.

– До чего же я рада, что вы все здесь, – едва восстановив дыхание, заговорила я.

– Мы тоже рады, котенок, – сказал папа. – Ты представить себе не можешь, как мы по тебе скучали.

Он поцеловал меня в макушку.

Я извернулась, чтобы крепче его обнять. До этого мгновения я и сама не отдавала себе отчета в том, как сильно хотела их видеть.

Последней я обняла маму. Она казалась на удивление тихой. Странно, что родительница не потребовала отчета о том, как продвигаются дела у нас с Максоном. Но когда я отстранилась, то заметила слезы у нее в глазах.

– Солнышко, ты такая красавица. Прямо как настоящая принцесса.

Я улыбнулась. Приятно, что мама в кои-то веки ничего от меня не требует и не поучает. Сейчас она была просто счастлива, и это значило для меня очень много. Потому что я тоже была счастлива.

Внимание Мэй привлекло что-то позади меня.

– Это он! – ахнула она.

– Хм? – переспросила я, глядя на нее, потом обернулась и увидела, что из-за величественной лестницы на нас смотрит Максон.

Принц с улыбкой подошел к нам, сгрудившимся на полу. Отец немедленно поднялся.

– Ваше высочество, – произнес он с благоговением.

Максон подошел к нему и протянул руку:

– Мистер Сингер, для меня большая честь познакомиться с вами. Я много о вас слышан. И о вас тоже, миссис Сингер.

Он передвинулся к матери, которая уже успела встать и поправить прическу.

– Ваше высочество, – пискнула она ошеломленно. – Прошу прощения за все это. – Она кивнула в сторону нас с Мэй.

Мы тоже поднялись, но все еще держались друг за друга.

Максон фыркнул:

– Вам не за что извиняться. Иного я от родственников леди Америки и не ожидал. – (Ну вот, теперь мама точно потребует у меня объяснений.) – А вы, должно быть, Мэй.

Сестра покраснела и протянула ему руку для рукопожатия, но вместо этого он поднес ее к губам.

– Я так и не поблагодарил вас за то, что вы тогда не заплакали.

– Что-что? – переспросила она в замешательстве и покраснела еще больше.

– Вам никто не рассказал? – весело произнес Максон. – Мое первое свидание с вашей милой сестрой состоялось исключительно благодаря вам. Я перед вами в неоплатном долгу.

Мэй хихикнула в ответ:

– Всегда пожалуйста.

Максон заложил руки за спину, вспомнив о своих обязанностях хозяина.

– Боюсь, я должен поприветствовать остальных, но прошу вас на минуту задержаться. Я намерен сделать для всех одно небольшое объявление. Надеюсь, скоро нам представится случай поговорить подольше. Очень рад, что вы смогли приехать.

– В жизни он еще более классный! – громким шепотом сообщила мне Мэй. Судя по тому, как дрогнули плечи Максона, он все слышал.

Он подошел к родным Элизы, которые были, без сомнения, самой утонченной группой из всех. Ее старшие братья стояли навытяжку, точно гвардейцы, а родители поклонились Максону, когда тот приблизился. Интересно, это Элиза им велела или просто такое поведение у них в крови? Они все были дотога лощеные, с одинаковыми черными волосами и одинаково безукоризненно одетые.

– Что он имел в виду, когда сказал, что не ожидал от нас иного? – шепотом осведомилась мама. – Это потому, что ты накричала на него при первой встрече? Ты ведь больше так себя не вела?

Я вздохнула:

– Вообще-то, мама, мы с Максоном нередко спорим.

– Что?! – ахнула она. – Чтобы не смела больше этого делать!

– Ах да, а еще я как-то раз ударила его коленом в пах.

В следующее мгновение Мэй залилась хохотом. Она зажала рот руками и попыталась остановиться, но смех рвался у нее из груди судорожными всхлипами. Папа крепко сжимал губы, но я видела, что он тоже с трудом сдерживается.

Мама побелела как снег:

– Америка, ведь это шутка? Скажи, что ты не набрасывалась на принца.

Не знаю почему, но слово «набрасывалась» стало последней каплей. Мы с Мэй и папой согнулись пополам от хохота. Мама только глазами захлопала.

– Мама, прости, – выдавила я.

– Ох, боже милосердный.

Тут она вдруг резко засобиралась познакомиться с родителями Марли, и я не стала ее удерживать.

– Значит, принц предпочитает девушек, которые не боятся дать ему отпор, – произнес папа, когда мы все успокоились. – Теперь он нравится мне еще больше.

Отец принялся оглядываться, любуясь дворцовым величием, а я задумалась. Сколько раз за те годы, что мы с Аспеном тайком встречались, они с папой оказывались в одном помещении? Как минимум с десятком, если не больше. И меня не волновало, одобрит он Аспена или нет. Я понимала, что получить от него согласие на брак с представителем низшей касты будет нелегко, но всегда была уверена, что в конечном счете он его даст.

Но почему-то на этот раз напряжение не оставляло меня. Несмотря на то что Максон был Единичей и брак с ним гарантировал нашей семье безбедное существование, я вдруг осознала, что он может не понравиться моему отцу.

Папа не принадлежал к числу повстанцев, он не поджигал дома и все такое прочее. Но я понимала: он недоволен существующим положением вещей. А вдруг он перенесет это недовольство на Максона? Вдруг заявит, что я не должна выходить за принца?

Однако прежде, чем я успела с головой погрузиться в эти размышления, Максон поднялся на несколько ступеней по лестнице, чтобы видеть всех собравшихся.

– Я хочу еще раз поблагодарить вас за то, что приехали. Мы счастливы принять вас во дворце не только для того, чтобы отпраздновать первый Хеллоуин в Иллеа за многие десятилетия, но и для того, чтобы познакомиться со всеми вами. К сожалению, мои родители не смогли присутствовать здесь, но в самое ближайшее время вы с ними встретитесь. Сегодня вечером матери и сестры Элиты, как и сами девушки, приглашены на чай к моей матери. Прием состоится в Женском зале. Ваши дочери проводят вас туда. А джентльменам будут предложены сигары в обществе моего отца и меня самого. За вами будут посланы слуги, так что можете не бояться, что заблудитесь. Сейчас горничные проводят вас в комнаты, отведенные вам на время вашего пребывания во дворце, и снабдят всей одеждой, необходимой как для приема, так и для праздника, который должен состояться сегодня вечером.

Принц быстро помахал нам рукой и удалился по своим делам. Рядом с нами практически мгновенно материализовалась горничная.

– Мистер и миссис Сингер? Я пришла проводить вас и вашу дочь в ваши комнаты.

– Но я хочу жить вместе с Америкой! – уперлась Мэй.

– Милая, я уверена, что наша комната ничуть не хуже, чем у Америки. Разве ты не хочешь взглянуть на нее? – попыталась уговорить ее мама.

Мэй обернулась ко мне:

– Пожалуйста, я хочу пожить точно так же, как живешь ты! Хотя бы немножко. Можно, я буду жить вместе с тобой?

Я вздохнула. Что поделаешь, придется на несколько дней отказаться от возможности побыть в одиночестве. Сказать «нет», глядя в эти глаза, я не могла.

– Вот и славненько. Может, когда нас станет двое, моим служанкам наконец будет чем заняться.

Мэй немедленно задушила меня в объятиях, так что моя жертва перестала мне казаться такой уж большой.

– Что еще нового ты узнала? – поинтересовался папа.

Я взяла его под руку. Непривычно было видеть отца в официальной одежде. Если бы я не наблюдала его тысячи раз за работой в заляпанном красками комбинезоне, то могла бы поклясться, что он Единица по рождению. В этом строгом костюме он казался таким молодым и элегантным. Даже словно бы вырос.

– По-моему, я пересказала тебе все, что нам поведали о нашей истории. И про то, что президент Уоллис стал последним главой Соединенных Штатов, а потом возглавил Американский штат Китая. Я про него вообще не знала, а ты?

Папа кивнул:

– Ваш дедушка рассказывал мне о нем. Слышал, он был достойным человеком, но в сложившейся ситуации поделать ничего не смог.

Правду об истории Иллеа я узнала, только попав во дворец. Историю нашей страны почему-то передавали главным образом из уст в уста. Я кое-что о ней слышала, но все эти сведения были весьма отрывочными. За последние несколько месяцев я получила прекрасное образование.

Соединенные Штаты потеряли независимость в начале Третьей мировой войны, после того как не смогли выплатить долг Китаю, достигший астрономических цифр. Вместо того чтобы вернуть себе деньги, которых у Соединенных Штатов, впрочем, и не было, китайцы

ввели на территории США свое управление, основав Американский штат Китая, и стали использовать местное население в качестве рабочей силы. В итоге Соединенные Штаты восстали не только против Китая, но и против России, которая тоже хотела заполучить американских рабочих, объединившись с Канадой, Мексикой и несколькими странами Латинской Америки. Так разразилась Четвертая мировая война, и хотя мы не только выстояли в ней, но и основали новое государство, ее экономические последствия оказались разрушительными.

– Максон рассказывал, что перед самой Четвертой мировой у людей практически вообще ничего не было.

– Он прав. В том числе и по этой причине наша кастовая система так несправедлива. Многие попросту ничего не смогли предложить в качестве помощи, поэтому столько народу оказалось в низших кастах.

Мне не очень хотелось погружаться в эту тему, потому что от таких разговоров папа обычно распалялся. Не то чтобы он был неправ – система каст действительно несправедлива, – но это посещение было нечаянной радостью, и мне не хотелось тратить время на дискуссии о вещах, изменить которые нам не под силу.

– Кроме основ истории, нас учат главным образом этикету. Сейчас пошел уклон в дипломатию. Думаю, скоро придется иметь дело с иностранными послами, если на это делают такой упор. Я имею в виду – тем из нас, кто останется.

– Останется?

– Выяснилось, что одну из девушек отправят домой вместе с родителями. После знакомства со всеми вами Максон должен будет кого-то отчислить.

– У тебя грустный голос. Ты думаешь, он отправит тебя домой? – (Я пожала плечами.) – Так-так. За столько времени ты уже должна была понять, нравишься ты ему или нет. Если нравишься, тебе не о чем тревожиться. А если нет, зачем тебе здесь оставаться?

– Наверное, ты прав.

Он остановился:

– И как обстоит дело?

Мне было как-то неловко обсуждать эту тему с папой, но беседовать об этом с мамой я бы тем более не стала. А уж от Мэй ждать разумных суждений относительно Максона вообще смешно.

– Думаю, я ему нравлюсь. Во всяком случае, он так говорит.

Папа рассмеялся:

– Ну, значит, твое дело в шляпе.

– Да, но в последнее время он держится немного... отчужденно.

– Америка, милая, он ведь принц. Может, он озабочен принятием каких-нибудь законов или еще чем-нибудь в этом духе.

Я не знала, как объяснить ему, что на всех остальных, судя по всему, время у него находится. Это было слишком унижительно.

– Наверное.

– Кстати, о законах. Вам уже об этом рассказывали? О том, как пишутся законопроекты?

Эта тема тоже меня не вдохновляла, зато, по крайней мере, не имела отношения к моим сердечным делам.

– Пока что нет. Но мы читаем кучу таких законопроектов. Иногда в них сложно разобраться, но Сильвия, та женщина, что была внизу, – она наша наставница или что-то вроде того – пытается объяснять нам разные вещи. И Максон тоже никогда не отказывается помочь, если его попросить.

– Правда?

Папа, похоже, обрадовался.

– Ну да. Мне кажется, для него важно, чтобы каждая из нас считала, что может достичь успеха, понимаешь? Он очень здорово все объясняет. Он даже.... – Я заколебалась. Про потайную комнату с книгами никому говорить нельзя. Но ведь это мой папа. – Послушай, ты должен дать слово, что не скажешь про это ни одной живой душе.

Он фыркнул:

– Кроме мамы, я больше ни с кем не говорю, а поскольку всем известно, что она не умеет хранить секреты, даю слово, что ничего ей не скажу.

Я захихикала. Представить, как мама пытается удержать язык за зубами, решительно невозможно.

– Мне ты можешь доверять, котенок. – Он слегка приобнял меня.

– Во дворце есть потайная комната, битком набитая книгами! – поведала я ему вполголоса, предварительно оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что поблизости никого нет. – Там есть запрещенные книги и карты мира, старинные, на которых все страны нарисованы, как они были раньше. Папа, я и не знала, что их было столько! А еще там есть компьютер! Ты когда-нибудь в своей жизни видел компьютер? – (Он изумленно покачал головой.) – Это просто потрясающе. Ты печатаешь, что хочешь найти, и он ищет это во всех книгах в комнате и выдает результат.

– Каким образом?

– Я не знаю, но именно так Максон выяснил, что представлял собой Хеллоуин. Он даже....

Я снова оглядела зал. Потом решила, что папа, конечно, никому не скажет про потайную библиотеку, но сообщать ему о том, что одна из запрещенных книг спрятана у меня в комнате, будет уже слишком.

– Что «даже»?

– Он даже разрешил мне посмотреть одну из них.

– Ого, как интересно! И что там было? Можешь рассказать?

Я закусила губу:

– Это был один из томов личных дневников Грегори Иллеа.

От неожиданности папа даже рот разинул:

– Америка, это просто невероятно. И что там написано?

– О, я не дочитала до конца. Меня главным образом интересовало, что такое Хеллоуин.

Он обдумал мои слова и покачал головой:

– Ну и почему ты тревожишься? Максон явно доверяет тебе.

– Наверное, ты прав, – вздохнула я, чувствуя себя по-дурачки.

– Потрясающе, – выдохнул он. – Значит, где-то во дворце есть потайная комната?

Он взглянул на стены с таким видом, как будто впервые их узрел.

– Ты себе не представляешь, сколько во дворце секретов. Потайные дверцы и панели тут буквально на каждом шагу. Если я сейчас возьму и поверну эту вазу, мы с тобой, чего доброго, провалимся в какой-нибудь люк в полу.

– Гм, – протянул он шутливо. – Пожалуй, когда я пойду обратно в комнату, буду вести себя осторожней.

– Кстати, тебе, наверное, скоро уже надо будет идти. Я должна подготовить Мэй к чаепитию у королевы.

– Ах да, вы же тут только и делаете, что распиваете чай с королевой, – пошутил он. – Ладно, котенок. Увидимся вечером за ужином. Ну-ка, как нужно себя вести, чтобы не угодить в потайной люк? – поинтересовался он вслух, выставив перед собой на всякий случай руки.

Очутившись на лестнице, он нерешительно положил ладонь на перила.

– Ну вот, теперь мы знаем, что это безопасно.

– Спасибо, папа.

Я покачала головой и направилась в свою комнату, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься вприпрыжку. До чего же здорово, что приехали родные! Если Максон все-таки не отправит меня домой, расстаться с ними будет невыносимо трудно.

Я завернула за угол и увидела, что дверь моей комнаты распахнута.

– И какой он был? – услышала я голос Мэй.

– Очень красивый. Во всяком случае, для меня. У него были волнистые волосы, и они вечно не желали лежать нормально. – Мэй прыснула, и Люси, которая рассказывала это, тоже. – Несколько раз мне даже удалось запустить в них руки. Иногда я это вспоминаю. Не так часто, как раньше.

Я на цыпочках подобралась поближе, не желая спугнуть их.

– Ты до сих пор по нему скучаешь? – спросила Мэй, живо интересовавшаяся всем, что было связано с мальчиками.

– Все меньше и меньше, – призналась Люси, но в голосе при этом звучала надежда. – Когда я только здесь оказалась, думала, умру от боли. Я мечтала, как сбегу из дворца и вернусь к нему, но это были всего лишь мечты. Я ни за что не бросила бы отца, и потом, даже если бы мне и удалось выбраться за дворцовые стены, то я все равно не смогла бы отыскать дорогу назад.

Я немного знала историю жизни Люси. Ее семья продавалась в услужение Тройкам, чтобы оплатить матери Люси операцию. Но в конце концов бедная женщина все равно умерла, а когда хозяйка узнала, что ее сын влюблен в Люси, то продала их с отцом во дворец.

Мэй и Люси устроились на постели. В распахнутую балконную дверь веял напоенный садовыми ароматами ветерок. Сестра вписалась в дворцовую обстановку совершенно непринужденно, словно жила здесь с самого рождения. Дневное платье, будто влитое, облегло фигурку. Она заплетала пряди волос Люси в косички, тогда как основная масса свободно ниспадала на плечи. Я никогда не видела Люси ни с какой другой прической, кроме тугого узла на затылке. С распущенными волосами она выглядела милой, юной и беззаботной.

– Как это – кого-то любить? – спросила Мэй.

Я почувствовала укол ревности. Почему она ни разу не задала этот вопрос мне? Потом вспомнила, что про мою любовь к Аспену не было известно никому, и Мэй в том числе.

Люси печально улыбнулась:

– Это самое прекрасное и ужасное, что может с тобой случиться. Ты понимаешь, что нашла нечто поразительное, и хочешь, чтобы оно оставалось с тобой всегда, и каждую секунду боишься, что можешь это потерять.

Я тихонько вздохнула. Она была совершенно права.

Любовь – это прекрасный страх.

Мне не хотелось углубляться в мысли о возможности потерь, поэтому я вошла в комнату.

– Люси! Какая красота у тебя на голове!

– Вам нравится? – Она осторожно коснулась пальцами тонких косичек.

– Это настоящее чудо. Мэй и меня тоже все время заплетала. Она мастерица по этой части.

Мэй пожала плечами:

– А что мне еще оставалось делать? На кукол у нас денег вечно не оказывалось, так что вместо куклы у меня была Амес.

– Ну, – сказала Люси, поворачиваясь к ней лицом, – пока вы здесь, будете нашей куклой. Мы с Мэри и Энн сделаем из вас красавицу не хуже королев.

Мэй склонила голову набок.

– С ней мне не сравниться. – Она быстро обернулась ко мне. – Только маме не говори, что я так сказала.

Я прыснула:

– Не скажу. Но сейчас нам пора собираться. Чаепитие уже совсем скоро.

Мэй восторженно захлопала в ладошки и бросилась к зеркалу. Люси собрала волосы в узел, умудрившись не распустить при этом косички, и приладила прямо поверх них чепец. Я не могла ее винить за то, что ей хотелось побыть в таком виде подольше.

– Кстати, мисс, вам письмо, – спохватилась Люси и осторожно передала мне конверт.

– Спасибо, – поблагодарила я, совершенно ошарашенная.

Практически все, кто мог мне писать, сейчас находились рядом. Я надорвала его и пробежала глазами записку, с первых же букв узнав этот небрежный почерк.

Америка,

я с опозданием узнал, что семьи Элиты были недавно приглашены во дворец и что наши родители с Мэй отправились навестить тебя. Я понимаю, что Кенна в ее деликатном положении не может путешествовать, а Джерард еще слишком мал. Однако я никак не могу понять, почему в числе приглашенных не оказалось меня. Америка, я ведь твой брат.

Единственная мысль, которая приходит мне в голову, что это наш отец предпочел оставить меня в стороне. Очень надеюсь, что эта инициатива исходила не от тебя. Мы с тобой сейчас на пороге великих перемен и можем быть весьма полезны друг другу. Если членам твоей семьи когда-либо еще будут предложены какие-либо привилегии, не забывай про меня. Мы можем помочь друг другу.

Ты, случайно, не замолвила за меня словечко принцу? Я просто интересуюсь.

Жду твоего ответа.

Кота

Меня так и подмывало смять письмо и отправить его в мусорную корзину. Я-то думала, что Кота оставил свои честолобивые мечты пробраться в высшее общество и научился довольствоваться успехом, которого уже достиг. Зря надеялась. Я сунула письмо в один из ящиков комода и решила, что не буду больше думать о нем. Не хватало только, чтобы его зависть испортила мне радость от приезда родных.

Люси звонком вызвала Энн с Мэри, и мы занялись приготовлениями. Кипучая энергия Мэй, казалось, передалась всем. Я поймала себя на том, что пела, пока мы одевались. Вскоре явилась мама и потребовала, чтобы мы все посмотрели на нее свежим взглядом и сказали, все ли у нее в порядке. Выглядела она, разумеется, безупречно. Она пониже и слегка полнее королевы, но в своем платье казалась ничуть не менее царственной. Когда мы двинулись по лестнице вниз, Мэй с печальным видом сжала мой локоть.

– Что случилось? Ты не хочешь познакомиться с королевой?

– Хочу. Просто...

– Что?

Она вздохнула:

– Просто я не представляю, как после всего этого возвращаться к обычной жизни.

В Женском зале царило оживление. Мэй в уголке болтала с Лэйси, сестрой Натали, с которой они были почти ровесницами. Лэйси удивительно походила на сестру! Обе тоненькие, светловолосые и миловидные. Там, где мы с Мэй оказывались полными противоположностями, Натали и Лэйси обнаруживали поразительное сходство. Правда, Лэйси показалась мне чуть менее чудаковатой. Не настолько не от мира сего, как ее сестра.

Королева расхаживала по залу, останавливаясь побеседовать с матерями всех девушек, расспрашивала их в своей милой манере. Как будто наши жизни были ничуть не менее инте-

ресными, чем ее собственная. Я вместе с другими слушала рассказ матери Элизы об их родственниках в Новой Азии, когда Мэй потянула меня за платье в сторону.

– Мэй! – прошипела я. – Ты что творишь? Так себя не ведут, особенно в присутствии королевы!

– Ты должна это видеть! – настаивала она.

На наше счастье, поблизости не было Сильвии. С нее стало бы отчитать Мэй за подобную выходку, несмотря на то что девочку никто не учил хорошим манерам.

Мы подошли к окну, и Мэй указала на что-то за стеклом:

– Смотри!

Я пригляделась и различила за кустами и фонтанами два мужских силуэта. В одном я признала отца. Он то ли объяснял, то ли спрашивал что-то, увлеченно размахивая руками. Другой принадлежал Максону. Прежде чем отвечать, принц всякий раз на некоторое время задумывался. Они медленно прохаживались по дорожке. Периодически папа засовывал руки в карманы, а Максон закладывал за спину. О чем бы ни был этот разговор, он казался серьезным.

Я огляделась по сторонам. Все женщины были полностью поглощены происходящим – шутка ли, оказаться в обществе самой королевы, – и на нас никто не обращал никакого внимания.

Максон остановился напротив папы и с решительным выражением лица принялся что-то неторопливо ему втолковывать. При этом в его позе не было ни враждебности, ни гнева. Папа помедлил, потом протянул руку. Максон улыбнулся и энергично пожал ее. Похоже, оба при этом испытали облегчение, и мгновение спустя папа хлопнул Максона по спине. Принц сразу весь как-то напрягся. Он явно не привык к чужим прикосновениям. Но потом отец обнял его за плечи, как когда-то меня и Коту, как обнимал всех своих детей. Это, похоже, Максону понравилось.

– О чем они говорили? – вслух спросила я.

Мэй пожала плечами:

– Не знаю, но вроде о чем-то важном.

– Кажется, да.

Мы немного постояли у окна, чтобы узнать, будет ли Максон беседовать еще с чьим-нибудь отцом, но если такой разговор и состоялся, то не в саду.

Празднование Хеллоуина было организовано с размахом, как Максон и обещал. Когда мы с Мэй вступили в Главный зал, его великолепие меня поразило. Украшения на стенах, подвески на люстрах, чашки, тарелки, даже еда – все сверкало позолотой. Это было поистине прекрасно.

Из динамиков лилась популярная музыка, но в углу уже ждал небольшой оркестр, который должен был аккомпанировать во время танцев. Повсюду поблескивали объективы фото- и видеокамер. Без сомнения, это празднество станет гвоздем завтрашней телепрограммы. Наверняка подобного по размаху бала еще не случалось. Я мимолетно задумалась, что же устроят во дворце на Рождество. Впрочем, к тому времени меня может здесь уже и не оказаться.

Наряды у всех оказались поистине роскошными. Марли в костюме ангела танцевала с офицером Вудворком. У нее за спиной даже были крылья, сделанные из чего-то вроде переливающейся бумаги. Селеста в коротком платье из перьев с плюмажем на голове изображала павлина.

Крисс и Натали держались вместе, и костюмы у них, похоже, задумывались как парные. Лиф платья Натали украшали живые цветы, а пышная юбка из голубого тюля подрагивала от малейшего движения. У Крисс платье было золотое, как зал, и все покрыто ниспадающими листьями. Судя по всему, они представляли весну и осень. Мне понравился замысел.

Элиза на полную катушку воспользовалась своими азиатскими корнями. Ее шелковое платье – преувеличенно роскошная версия ее излюбленного скромного фасона. Драпирующиеся рукава выглядели невероятно зрелищно, а уж как ей удавалось ходить с такой пышной прической, для меня настоящая загадка. В обычные дни Элиза одевалась довольно неприметно, но сегодня выглядела изумительно, почти царственно.

Все собравшиеся облачились в необычные костюмы, и гвардейцы не уступали гостям. Я увидела бейсболиста, ковбоя, какого-то малого с беджиком, на котором значилось имя Гаврил Фадей, а один из них даже отважился надеться в дамское бальное платье. Он был окружен хохочущими во все горло девушками. Впрочем, большинство гвардейцев явились просто в парадной форме – отутюженных белых брюках и синих мундирах. Они были в перчатках, но без фуражек, чтобы отличаться от тех, что стояли на посту, охраняя зал по периметру.

– Ну, что скажешь? – спросила я у Мэй.

Как оказалось, сестра уже успела раствориться в толпе. Я рассмеялась и оглядела зал в поисках ее пышного платья. Когда она заявила, что желает пойти на праздник в костюме невесты – как по телевизору показывают, – я подумала, что это шутка. Впрочем, белая фата была изумительно ей к лицу.

– Леди Америка, добрый вечер, – шепнул кто-то мне на ухо.

Я вздрогнула и, обернувшись, увидела рядом Аспена в парадной форме.

– Ты меня напугал!

Я прижала руку к сердцу, как будто это могло унять его бешеный стук. Аспен лишь фыркнул.

– Мне нравится твой костюм, – весело сообщил он.

– Спасибо. Мне он тоже нравится.

Энн превратила меня в бабочку. Мое платье было приспособлено сзади, невесомый материал с черной каймой окутывал тело пышным облаком. Лицо же скрывала маска в виде крылышек, отчего я чувствовала себя загадочной.

– Почему ты пришел не в костюме? – спросила я. – Неужели совсем не смог ничего придумать?

– Предпочитаю мундир, – пожал он плечами.

– Понятно.

Мне на его месте было бы жаль упускать такой случай посумасбродничать. В этом отношении у Аспена возможностей куда меньше, чем у меня. Неужели ему не хотелось повеселиться?

– Я просто подошел поздороваться, узнать, как у тебя дела.

– Хорошо, – поспешно ответила я.

Мне почему-то стало неловко.

– Ясно, – сказал он, явно слегка задетый. – Что ж, замечательно, раз так.

Может, после своей позавчерашней речи он ожидал услышать от меня что-то большее, но я пока не была готова дать ему какой-то определенный ответ. Он поклонился и отошел в сторону перекинуться словечком с другим гвардейцем. Тот по-братски его обнял. Интересно, а ему служба в гвардии тоже давала то чувство плеча, которое мне дало участие в Отборе?

Почти сразу же после этого Марли с Элизой отыскиали меня и потащили танцевать. Пока я раскачивалась в танце, пытаясь ни в кого не врезаться, на глаза снова попался Аспен. Он стоял чуть поодаль от танцующих и о чем-то беседовал с мамой и Мэй. Мама поглаживала Аспена по рукаву, как будто пытаясь его расправить, а Мэй прямо-таки сияла. Наверное, они говорили, какой он красивый в своей парадной форме и как гордилась бы им его мать, если бы могла его сейчас видеть. Он улыбнулся в ответ – ему было приятно это слышать. Мы с Аспеном редкие птицы. Пятерка и Шестерка, волею судьбы вырванные из монотонной круговерти и

перенесенные во дворец. Отбор настолько круто изменил мою жизнь, что порой я забывала поблагодарить судьбу за этот опыт.

Я танцевала в кругу с остальными девушками и гвардейцами, пока музыка не закончилась и не заговорил диджей.

– Дамы и господа, поприветствуем короля Кларксона, королеву Эмберли и принца Максона Шрива!

Грянул оркестр, дамы присели в реверансе, а мужчины склонили головы в поклоне, приветствуя монаршее семейство. Король был одет как король, только другой страны. Я не очень поняла, какой именно. Королева нарядилась в темно-синее платье, причем такого темного оттенка, что оно казалось почти черным. Платье было усеяно россыпью драгоценных камней и походило на ночное небо. А Максон, как это ни забавно, облачился в костюм пирата. На нем были рваные штаны и мешковатая рубаша с жилеткой поверх, голова повязана банданой. Для большего эффекта он еще и не брился пару дней, так что его подбородок был покрыт темной щетиной.

Потом диджей попросил нас освободить танцевальную площадку, и монаршая чета исполнила первый танец. Максон стоял рядом с Натали и Крисс и по очереди нашептывал что-то на ушко то одной, то другой. Видимо, это было что-то смешное, потому что обе смеялись. Наконец я увидела, как он принялся обводить взглядом зал. Не знаю, меня он искал или нет, но не хотелось, чтобы принц заметил, как я на него таращусь. Я взбила платье и принялась смотреть на его родителей. Вид у них был очень счастливый.

Я задумалась об Отборе. Какой бы безумной ни выглядела его идея, с результатом не поспорить. Король Кларксон и королева Эмберли просто созданы друг для друга. Он казался грозным правителем, а она – умиротворяющим началом. Она умела молчать и слушать, а ему всегда было что сказать. Несмотря на то что вся эта затея должна казаться архаичной и неправильной, она работала.

Интересно, во время их Отбора они тоже отдалялись друг от друга, как Максон сейчас отдалился от меня? Почему он не сделал ни одной попытки увидеться со мной, хотя постоянно встречался с остальными девушками? Может, именно поэтому он вызвал на разговор моего отца? Чтобы объяснить ему, почему должен отправить меня домой? Максон всегда вел себя учтиво, так что такой поступок был бы вполне в его духе.

Я принялась выглядывать в толпе Аспена. Его нигде не было видно, зато я заметила, что папа наконец-то появился и стоит рука об руку с мамой в противоположном конце зала. Мэй пробралась к Марли и устроилась прямо перед ней. Марли сестринским жестом обнимала ее за плечи, и их белые платья сияли в свете люстр. То, что они успели так сблизиться меньше чем за сутки, меня не удивляло. Я вздохнула. Да где же Аспен?

В последней попытке отыскать его я оглянулась через плечо. Там он и оказался, чуть позади, на страже моей безопасности, как обычно. Когда наши глаза встретились, он подмигнул мне, и у меня вдруг улучшилось настроение.

После того как король с королевой завершили танец, мы все хлынули на площадку. Гвардейцы засновали в толпе, непринужденно вставая в пары с девушками. Максон по-прежнему стоял у стены в обществе Натали и Крисс. Может, он все-таки пригласит меня? Приглашать его первой я точно не намеревалась.

Собрав в кулак все свое мужество, я оправила платье и двинулась в его направлении. Я решила, что, по крайней мере, стоит дать ему возможность пригласить меня. Пробираясь по площадке, я продумывала, как вклинюсь в их разговор. Но едва я успела приблизиться к ним настолько, чтобы это стало возможным, Максон пригласил Натали на танец.

Она рассмеялась и склонила белокурую головку набок, как будто на свете не было ничего более само собой разумеющегося. Я с каменным лицом прошествовала мимо них, устремив взгляд на блюдо с шоколадными конфетами, как будто они с самого начала были моей целью.

Поедая вкуснейшее лакомство, я стояла спиной к залу и надеялась, что никто не заметит, как густо я покраснела.

Оркестр сыграл уже с полдюжины песен, когда рядом со мной вырос офицер Вудворк. Как и Аспен, он предпочел остаться в мундире.

– Леди Америка, – с поклоном произнес он. – Могу я просить вас подарить мне этот танец?

В его голосе было столько радости и теплоты, что отказать было невозможно. Я непридуманно взяла его за руку:

– Безусловно, сэр. Но должна вас предупредить, что танцую я не слишком хорошо.

– Ничего страшного. Мы будем танцевать медленно.

Улыбка у него была такая располагающая, что я отбросила все волнения по поводу собственной неловкости и радостно последовала за ним на площадку.

Танец был веселый, под стать настроению офицера.

– Похоже, вы полностью оправились после того, как я чуть не затоптал вас, – пошутил он.

Двигаясь, Вудворк не умолкал, и угнаться за ним оказалось очень трудно. Вот тебе и «медленно».

– Что ж вы так плохо старались, – шуткой на шутку ответила я. – Если бы я превратилась в лепешку, мне сейчас хотя бы не пришлось танцевать.

Он рассмеялся:

– Вы действительно забавная, не зря про вас так говорят. Я слышал, принц тоже выделяет именно вас, – добавил Вудворк таким тоном, будто это было нечто общеизвестное.

– Мне ничего не известно.

С одной стороны, мне до смерти надоело слышать подобные заявления от людей. С другой – в глубине души очень хотелось, чтобы это оказалось правдой.

Бросив взгляд поверх плеча Вудворка, я увидела Аспена, который танцевал с Селестой, и ощутила легкий укол.

– Такое впечатление, что вы хорошо ладите практически со всеми. Мне даже говорили, что во время последнего нападения повстанцев вы взяли своих служанок с собой в убежище для королевской семьи. Это правда?

Голос у него был изумленный. Мне тогда казалось совершенно естественным попытаться защитить девушек, которых я любила. Все почему-то сочли мой порыв необычным и отважным.

– Не могла же я их бросить!

– Вы настоящая леди, мисс. – Он с восхищением покачал головой.

– Спасибо. – Я покраснела.

К моменту, когда закончила играть музыка, я совершенно запыхалась, поэтому присела отдышаться рядом с одним из многочисленных столиков, там и сям расставленных в зале. Я потягивала апельсиновый пунш и обмахивалась салфеткой, разглядывая остальных танцоров. Максон теперь танцевал с Элизой. Судя по всему, обоим было очень весело. Это уже второй его танец с Элизой. Ко мне он за все это время даже не подошел.

Отыскать в толпе Аспена оказалось нелегко – слишком много вокруг было синих мундиров, – но в конце концов я все-таки его увидела. Он разговаривал с Селестой. Она подмигнула ему, ее губы изогнулись в кокетливой улыбке.

Что она о себе возомнила?! Я решительно поднялась, чтобы объяснить ей, что к чему, но вовремя сообразила, чем это закончится для нас с Аспеном. Пришлось снова сесть и продолжить пить свой пунш. Однако к тому времени, когда танец закончился, я уже была на ногах и успела подобраться достаточно близко к Аспену, чтобы он мог, не вызывая никаких подозрений, пригласить меня на танец.

Именно так он и поступил, на его счастье, – в противном случае я бы точно вышла из себя.

– Что это было? – спросила я его негромко, но с kloкочущей яростью в голосе.

– Что «это»?

– Почему ты позволил Селесте себя лапать?

– Кто-то ревнует, – шепнул он мне на ухо.

– Послушай, прекрати! Она не должна так себя вести, это против правил!

Я огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто не видит, как горячо мы переговариваемся, в особенности мои родители. Я заметила, что мама болтает с матерью Натали. Папа куда-то исчез.

– И это говоришь ты! – Он шутливо закатил глаза. – Если мы больше не вместе, ты не можешь указывать, с кем мне общаться.

– Ты ведь знаешь, что это не так, – поморщилась я.

– А как? – прошептал он. – Я не знаю, бороться мне за тебя или отойти в сторону. – Он покачал головой. – Сдаваться я не хочу, но если мне не на что надеяться, скажи об этом.

Сохранять спокойное выражение лица ему явно было не просто, а в голосе звучали печальные нотки. Но мне тоже больно. При мысли о том, что всему этому придет конец, щемило сердце.

– Он избегает меня, – вздохнула я. – Здоровается, конечно, но на свидания ходит с другими. Наверное, я просто напридумывала себе, что нравлюсь ему.

Аспен даже замер на миг посреди танца, потрясенный моими словами. Потом быстро взял себя в руки и взглянул в мое лицо.

– Я понятия ни о чем не имел, – произнес он негромко. – Ну, то есть ты же знаешь, что я хочу, чтобы мы были вместе, но я боялся причинить тебе боль.

– Спасибо. – Я пожала плечами. – Самое обидное в этом то, что теперь я чувствую себя дурой.

Аспен притянул меня чуть ближе к себе, выдерживая тем не менее приличествующее расстояние, хотя я видела, что ему этого не хотелось.

– Мер, поверь мне, дурак – это тот мужчина, который по собственной воле отказывается от шанса быть с тобой.

– Но ведь ты сам пытался меня бросить, – напомнила я ему.

– Потому-то я и знаю, – с улыбкой отозвался он.

Я порадовалась, что мы наконец можем шутить по этому поводу.

Выглянув из-за плеча Аспена, я обнаружила, что Максон танцует с Крисс. Опять. Неужели меня он не пригласит ни разу?

– Знаешь, что мне напоминает этот танец? – шепнул Аспен мне на ухо.

– Что?

– Вечеринку по случаю шестнадцатилетия Ферн Талли.

Я посмотрела на него как на ненормального. Эту вечеринку я отлично помнила. Ферн была Шестеркой и иногда помогала нам по хозяйству, если мама Аспена бывала слишком занята и не могла выкроить для нас время. Шестнадцать лет ей исполнилось месяцев через семь после того, как мы с Аспеном начали встречаться. Мы оба были в числе приглашенных на день рождения. Вечеринкой это можно назвать лишь с большой натяжкой. На столе пирог и вода, музыка по радио, потому что никаких дисков у нее не было, и полутьма в ее неотремонтированном подвале. Соль в том, что до этой вечеринки мне приходилось бывать только на семейных праздниках. Здесь же собрались соседские подростки, одни, без взрослых, и это было головокружительное ощущение. Однако же та вечеринка ни в какое сравнение не шла с роскошным балом, на котором мы присутствовали сейчас.

– Это чем же она может напоминать этот праздник? – с недоверием в голосе спросила я.

Аспен сглотнул:

– Мы с тобой танцевали. Помнишь? Я был так горд, что держу тебя в объятиях на глазах у других людей. Несмотря на то что танец в твоём исполнении выглядел так, как будто с тобой приключился припадок. – Он подмигнул мне.

Его слова разбередили душу. Я не забыла тот танец. Воспоминаниями о нём я жила потом ещё несколько недель.

В одно мгновение в моё сознание хлынули тысячи секретов, которые мы с Аспеном придумывали и хранили: имена, выбранные для наших воображаемых детей; домик на дереве; чувствительное местечко у него на шее сзади, которое я так любила щекотать; записки, предназначенные друг другу и оставленные в условленных местах; мои тщетные попытки варить домашнее мыло; игры в крестики-нолики, которые мы чертили пальцами у него на животе, немедленно забывая, какой только что был сделан ход... В тих играх он всегда позволял мне побеждать.

– Мер, пообещай, что подождешь меня. Если ты будешь ждать, я справлюсь со всем на свете, – выдохнул он мне в ухо.

Оркестр заиграл национальную мелодию, и один из стоявших рядом гвардейцев пригласил меня на танец. Мы закружились по площадке, оставив не только Аспена, но и меня саму без ответа.

Праздник шел своим чередом, и я поймала себя на том, что то и дело посматриваю на Аспена. Хотя я пыталась сделать вид, как будто ничего такого в этом нет, уверена, любой внимательный наблюдатель заметил бы это. В особенности мой отец, будь он в этом зале. Впрочем, его, похоже, возможность устроить себе экскурсию по дворцу интересовала куда больше танцев.

Я попыталась отвлечься от этих мыслей и в результате перетанцевала, наверное, со всеми в зале, кроме Максона. Когда же я наконец присела, решив дать отдых своим натруженным ногам, над ухом у меня вдруг раздался его голос:

– Миледи, могу я пригласить вас на танец?

В моей душе всколыхнулось что-то неуловимое, то самое чувство. Какой бы подавленной я себя ни ощущала, как бы смущена ни была, я не могла отказаться от приглашения.

– Разумеется.

Принц взял меня за руку и повел в центр зала, где оркестр уже начинал играть медленный танец. Я вдруг почувствовала себя абсолютно счастливой. Максон, похоже, не испытывал ни расстройств, ни неловкости. Напротив, он привлек меня к себе так близко, что я ощутила запах его одеколона и почувствовала прикосновение его колючей щетины к своей щеке.

– Я уж и не надеялась, что ты пригласишь на танец, – заметила я, пытаясь говорить шутливым тоном.

Максон умудрился прижать меня к себе еще крепче.

– Я приберегал тебя напоследок. Со всеми остальными девушками разделался, так что никаких обязательств ни перед кем у меня нет. Теперь я могу с чистой совестью наслаждаться остатком вечера в твоём обществе.

Щеки запылали, как случалось всегда, когда он говорил мне подобные вещи. Порой его слова звучали словно строчки из какого-нибудь стихотворения. После всего, что произошло на прошлой неделе, я и не надеялась снова услышать от него нечто подобное. Сердце бешено заколотилось.

– Ты такая красивая. Слишком красивая для такого оборванного пирата, как я.

– Ну и кем ты должен был нарядиться, чтобы выглядеть мне под стать? Деревом? – Я невольно прыснула.

– Ну, по меньшей мере кустиком.

Я снова рассмеялась:

- Дорого бы дала за то, чтобы увидеть тебя наряженным в костюм кустика!
- В следующем году увидишь, – пообещал он. Я уставилась на него. Когда?! – Тебе бы этого хотелось? Чтобы мы устроили Хеллоуин в следующем октябре тоже? – спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.